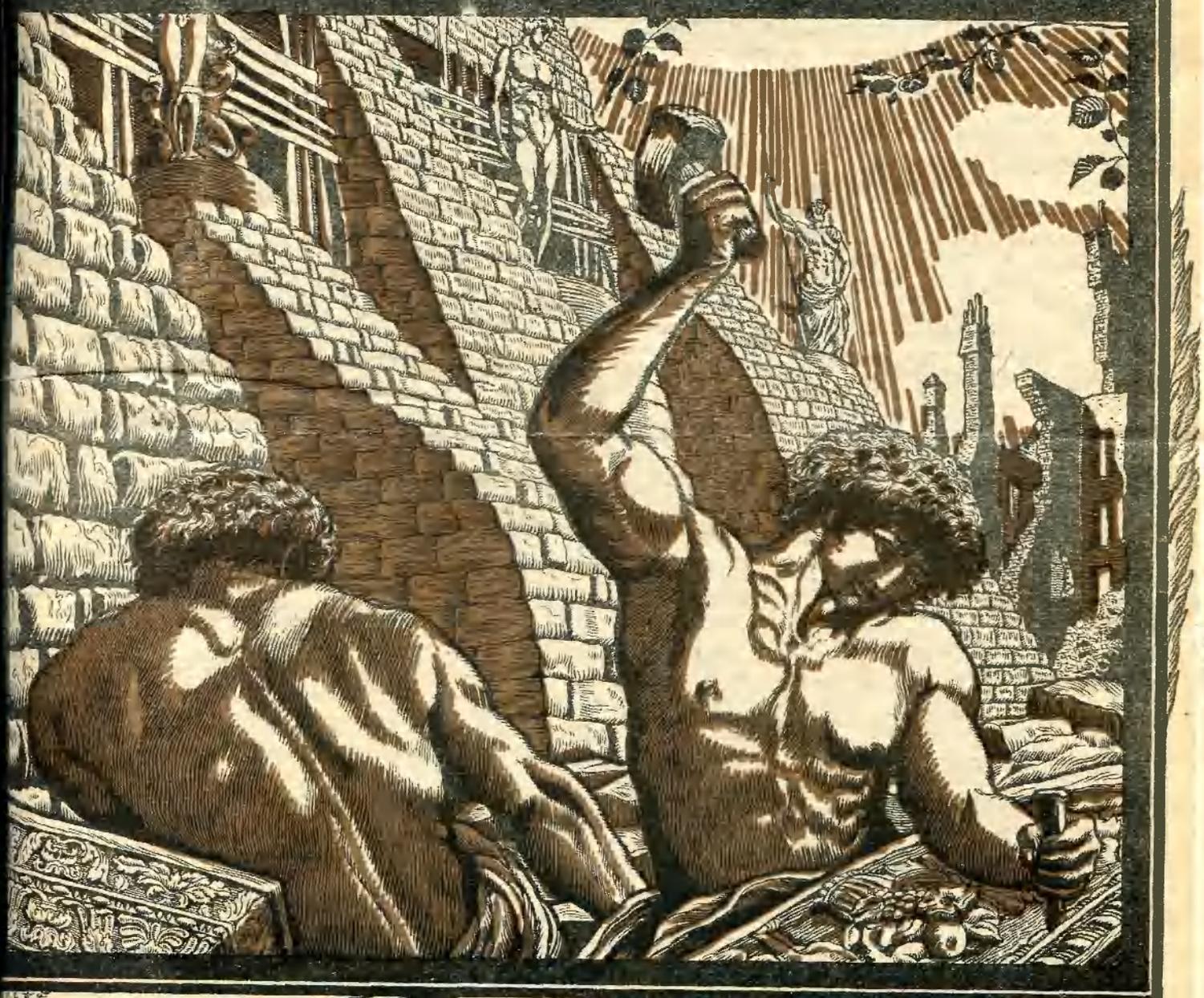

7-й экз.

Г О Л О С Ъ Ж И З Н И

1915

№ 20

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

СОДЕРЖАНИЕ № 20.

Д. Ф. „Безстрашное терпѣніе“.
Объяснить „Говорливое молчаніе“, „Переборщикъ“, „Извѣстный“ композиторъ“.
О. Слицанъ. „Мечтатель“ (разсказъ).
Д. Крючковъ. „Галицкая выставка“ (статья).
Георгій Чулковъ. „Славяне и Пушкинъ“ (статья).
Николай Бруннъ. „Дорогой цвѣтокъ“ (разсказъ).
Николай Плюавъ. „Стихотворенія“.
Д. Пинегинъ. „Тайная красота“ (статья).
ВѢСТИ и МНѢНІЯ. **Борисъ Кремневъ**. „Письма со стороны“ (IV).
Ст. Ж. „Молодые голоса“.
Книги, поступившія въ Редацію для отзыва.

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

Изъ Галиційской выставки: „Угро-русы“ (стр. 3), „Бойки“, „Русские галицкой равнины“ (стр. 5), „Невѣста-гуцулка“, „Бойка“ (стр. 7), „Лемки“, „Гуцулы“ (стр. 11).
ЗАСТАВКИ **Ариштама, Бруни, Коровкина, Д. Митрохина, Б. Попова, Н. Смирнова, Яннауэръ и др.**
П. Митуричъ. „Изъ альбома“ (стр. 13).
Тырановъ. „Письмо“ (стр. 9).
Ватто (1684-1726). „Пьерро“ (стр. 20).
Японскія гравюры. „Дикая утка“ (стр. 16), „Борьба съ волками“ (стр. 17).
Въ Занавязѣ (фотографія) (стр. 19).

Адресъ Редаціи: Лиговская, 114, кв. 2, тел. 20-01. Съ 1-го мая приемные часы: по вторн. отъ 3-хъ до 6-ти. Рукописи, принимаемыя въ Редацію, должны быть четко написаны, черезъ страницу. На отвѣтъ прилагаются почтовые марки. Непринятые рукописи хранятся въ теченіе мѣсяца, послѣ чего уничтожаются.

При семъ № 20 разсылается подписчикамъ третій выпускъ полнаго собранія сочиненій **Льва Толстого**, содержащій первую часть (стр. 192—288) романа „**ВОЙНА и МИРЪ**“ (т. 7).

Въ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ принимаютъ участіе:

Въ литературномъ отдѣлѣ:

Г. Адамовичъ, С. Андреевскій, Анна Ахматова, С. Ауслендеръ, Г. Бароновъ, В. Бестужевъ, Л. Берманъ, А. Блокъ, В. Богучарскій, Н. Бородинъ, В. Бруснянинъ, З. Венгерова, Б. Верхоустинскій, Б. Веселовскій, Л. Галичъ, В. Гиппиусъ, З. Гиппиусъ, Г. Георгиевскій, С. Городецкій, Л. Добронравовъ, Сергѣй Есенинъ, Борисъ Зайцевъ, И. Зейлингеръ, Георгій Ивановъ, В. Иречекъ, Р. Ивневъ, В. Каратыгинъ, В. Карачарова, А. Карташевъ, Н. Коробко, В. Кохановскій, Антонъ Крайкій, Д. Крачковскій, Борисъ Кремневъ, Д. Крючковъ, М. Курчинскій, О. Ларинъ, Д. Левинъ, Н. Лернеръ, О. Мандельштамъ, Е. Мауринъ, А. Мейеръ, Д. Мережковскій, Д. Митрохинъ, М. Моравская, М. Новорусскій, Я. Окуневъ, I. Орбели, Е. Псковитиновъ, А. Ремизовъ, В. Ропшинъ, А. Ростиславовъ, Е. Семеновъ, М. Славинскій, Ю. Слезинъ, Ю. Слонимская, Андрей Соболь, К. Соколовъ, П. Соловьева (Allegro), В. Соловьевъ, А. Тиняковъ, Н. Толмачевъ, О. Форшъ, А. Чапыгинъ, Георгій Чулковъ, М. Шагинянь, Викторъ Шиловскій, К. Эрбергъ, Н. Ястребовъ и др.

Въ художественномъ отдѣлѣ:

Н. Альтманъ, А. Ариштамъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Л. Бруни, П. Верейскій, А. Гроссъ, М. Добужинскій, С. Ереминъ, А. Иванова, Л. Квятковскій, Коровкинъ, Г. Лукомскій, Д. Митрохинъ, П. Митуричъ, М. Нечитайло-Андреевко, Б. Поповъ, Б. Позенъ, Е. Псковитиновъ, Н. Рерихъ, Н. Смирновъ, А. Соборова, С. Чехонинъ, Щенотихина, В. Яннауэръ, С. Яремичъ и др.

Подписная цѣна журнала „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ съ 82-мя книгами полнаго собранія сочиненій Л. Н. ТОЛСТОГО съ пересылкой—8 р. 50 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ—3 р. 50 к., къ 1-го марта—2 р., къ 1-го июня—2 р., къ 1-го августа—1 р.
Цѣна за 6 мѣс.—4 р. 25 к., за 3 мѣс.—2 р. 12 к.

Подписная цѣна журнала „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ (безъ книгъ полнаго собранія сочиненій Л. Н. ТОЛСТОГО).
Съ пересылкой: за годъ—4 р. 50 к., за 6 мѣс.—2 р. 50 к., за 3 мѣс.—1 р. 35 к. Разсрочка допускается: при подпискѣ—2 р. 50 к., къ 1-го июня—2 р.

ПРИ ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА необходимо прилагать СТАРЫЙ АДРЕСЪ И ТРИДЦАТЬ (30) коп. почтов. марками.
Заявленія о неполученіи очереднаго номера необходимо дѣлать тотчасъ по полученіи номера, слѣдующаго за неполученнымъ. Позднѣйшія заявленія удовлетворены быть не могутъ.

Въ Анц. 0-вѣ Издательства А. А. НАСПАРИ
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ КНИГЪ. НАТАЛОГЪ
высыл. БЕЗПЛАТНО.

Лица, подписывающихся на журналъ „ВСЕМИРНАЯ НОВЬ“ съ книгами сочиненій Л. Н. ТОЛСТОГО, просятъ **ОБЯЗАТЕЛЬНО ПИСАТЬ на ДЕНЕЖНОМЪ ПЕРЕВОДѢ** фразу

„**съ сочиненіями Л. ТОЛСТОГО**“, указывая при этомъ желаемое количество книгъ, т. е. **82** (полное собраніе **ВСѢХЪ** сочиненій) или **50** (собраніе **ТОЛЬКО** беллетристическихъ произведеній). Въ случаѣ неупоминанія въ переводѣ о сочиненіяхъ Л. Н. ТОЛСТОГО подписка будетъ зачисляться въ абонементы № 1 или № 2 (соответственно количеству высланныхъ денегъ), какъ наиболѣе требуемые.

Гг. ПОДПИСЧИКИ, БЛАГОВОЛИТЕ СОХРАНЯТЬ АДРЕСА
наклеиваемые на оболочку номеровъ журнала, и **ОБЯЗАТЕЛЬНО ПРИЛАГАЙТЕ ихъ ко ВСѢМЪ ЗАЯВЛЕНІЯМЪ**, какъ напр. къ письмамъ о перемѣнѣ адреса, о неполученіи очередныхъ номеровъ, къ денежнымъ переводамъ и проч. Это условіе чрезвычайно ускоряетъ всякія справки и способствуетъ **быстрому удовлетворенію требованій.**

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

издаваемый Акц. Общ. Издательства А. А. Каспари въ Петроградѣ, при ближайшемъ участіи Д. В. Философова.

Петроградъ.

№ 20

13 мая 1915 г.

БЕЗОТРАШНОЕ ТЕРПѢНІЕ.

Балѣе чѣмъ когда либо слѣдуетъ вооружиться терпѣніемъ. Но терпѣніемъ мужественнымъ, безотрашнымъ, активнымъ. Какъ это ни странно, но далеко не всѣ еще прониклись въ должной степени сознаниемъ отвѣтственности за происходящее. „Подежурятъ“ въ лазаретѣ, купать на улицѣ „знамя“—и смѣло идутъ въ кинематографъ. Въ лучшемъ случаѣ—въ театръ. Какъ будто исполнили „гражданскій“ и „патріотическій“ долгъ. И надо признать, что именно проповѣдники патріотическаго „молчанія“ бесцельно пасаждали въ столь серьезный историческій моментъ какую-то сѣрую обывательщину. Пусть „умные“ люди насъ все рѣшаютъ! Мы отойдемъ въ сторонку! Это не только приятно, но и удобно. Это соответствуетъ лозунгу „молчанія“. Образуется какаля-то толпа, которая, какъ вся толпа, легко поддается настроеніямъ. Сегодня она молчитъ, завтра она кричитъ. Сегодня она „закидываетъ шапки“, завтра впадаетъ въ уныніе. Сегодня кладетъ двупятенный на алтарь отечества, завтра даетъ въ морду мяс-

никамъ. вмѣстѣ съ тѣмъ сознательная воля, соединенная съ дисциплиной, самообладаніемъ, мужествомъ и бодростью—самыя нужныя теперь добродѣтели. Добродѣтели эти приобрѣтаются въ активной работѣ. вмѣсто того, чтобы давать въ морду мясникамъ, не лучше ли сплотиться, организовать, сдѣлать всѣмъ „міромъ“ нужныя усилія для самозащиты отъ эксплуатаціи, отъ вполнѣ естественнаго нарушенія правльнаго хода экономической жизни? Если нѣтъ Государственной Думы, то вѣдь существуютъ земскія организации, городскія думы, кооперативы и т. п. Черезъ нихъ можно „говорить“, черезъ нихъ можно организовываться. Надо же понять, что, чѣмъ кричиче мы будемъ объединены, чѣмъ больше организуваны, тѣмъ легче намъ пережить трудныя времена, тѣмъ легче помочъ общему дѣлу, обновлять нашу жизнь, строить наше будущее.

Кажется, это начали понимать и наши столичныя „молчалъники“. Лучше поздно, чѣмъ никогда.

Д. Ф.

ОБО ВСЕМЪ.

Говорливое молчаніе.

В. М. Дорошевичъ какъ-то рассказывалъ, что въ далекия годы „безвременья“ журналисты любили писать о театрѣ, а главное—ругать актеровъ. Накапливалось отъ засгоя много желчи. Изливали ее на ни въ чемъ неповинныхъ актеровъ. И газеты имѣли странный видъ: нѣсколько стратраммъ, передовица, неизвѣстно о чемъ, а затѣмъ—цѣлыя статьи о театрѣ. Казалось, что весь смыслъ жизни—въ театрѣ. Хорошо сыграетъ Савина или Ермолова?—вотъ основной вопросъ. Потомъ о театрѣ забыли. Десять лѣтъ тому назадъ о немъ совсѣмъ не писали. Появились другія темы. Теперь театръ возродился вновь. О немъ пишутъ, не покладая рукъ. О „выступленіи“ Италия пишутъ меньше, нежели о „пушкинскомъ“ спектаклѣ. По отношенію къ этому факту происходить чуть ли не перегруппировки программы.

Мѣняются тактическіе лозунги. Появляются перебѣжчики. И, если бы наши газеты доходили до Шавель или Кѣлецъ, обитатели сихъ городовъ навѣрное пришли бы въ недоумѣніе: „Что сей сонъ значить?“. Не можетъ быть, чтобы люди лѣзли на стѣну изъ-за „чистаго искусства“, въ то время какъ они, обитатели Шавель, отъ искусства довольно далеки. Да не только Шавель, а и многихъ другихъ городовъ и весей. Навѣрное эти „чуждые искусству“ люди строятъ самыя нелѣпыя догадки. Расшифровываютъ якобы „эзоповскій“ языкъ театральныхъ рецензентовъ, отыскиваютъ въ театральныхъ фельетонахъ „политическій“ смыслъ.

Трудъ совершенно напрасный. Какъ и въ старыя добрыя времена, журналисты, не зная, о чемъ писать, ухватились за театръ и ради гигиены изливаютъ свою желчь на ни въ чемъ неповинныхъ актеровъ. Такъ, при помощи праздногъ говорливости, соблюдается лозунгъ „молчанія“...

Переборщикъ.

Amicus Plato, но все-таки не слѣдуетъ пересаливать. Н. О. Лернеръ, заразившись „разрушительнымъ“ огнемъ осадныхъ орудій, ни съ того ни съ сего уничтожилъ Брюсова. Ничего огня Брюсова не осталось! Только рожки да ножки! А вѣдь Н. О. Лернеръ любитъ Пушкина, изучаетъ его, досконально знаетъ, что Пушкинъ 25-го іюля 1820 г. пилъ чай въ 8 часовъ вечера, а 25-го іюля 1830 года пилъ чай въ 9 часовъ вечера. Но почему же нашъ пушкинианецъ, столь внимательно изучая Пушкина, не соображаетъ, что уважение къ литературѣ должно быть первой добродѣтелью всякаго пушкинианца?

Уничтожать Брюсова, вычеркивать его изъ русской литературы, да еще въ хлесткой газетѣ,—дѣло не... „литературное“. Брюсову Лернеръ не повредитъ. Произведения Брюсова говорятъ сами за себя. А вотъ себѣ Н. О. Лернеръ несомнѣнно повредилъ. Или и онъ, не зная,—на комъ сорвать накопившуюся злобу, обрушился на „голову турка“? Или и онъ—сторонникъ говорливаго молчания?

„Извѣстный“ композиторъ.

Когда кто нибудь невѣстенъ, всегда говорятъ: нашъ „извѣстный“ такой-то. Ну, напр.: нашъ извѣстный писатель Брешко-Брешковскій, нашъ извѣстный художникъ Берхгольдъ, нашъ извѣстный композиторъ Ивановъ.

Вотъ объ извѣстномъ композиторѣ Ивановѣ мы и ведемъ

рѣчь. Онъ только что сочинилъ ораторію (кто помнитъ ея названіе?) и скромно похвалить ее строкахъ эдакъ въ пятистахъ, на страницахъ „Новаго Времени“. И хорошо съдѣлать. Кто же, кромѣ Иванова, будетъ хвалить Иванова? безъ поощренія жить трудно, даже такимъ „извѣстнымъ“ людямъ. Но извѣстный Ивановъ этимъ не ограничился. Онъ началъ философствовать на тему о германскомъ засильѣ въ русской музыкѣ. Онъ, Ивановъ, авторъ ораторіи (кто помнитъ ея названіе?), въ подражаніи нѣмцамъ неповиненъ. Его музыка самобытна, такъ же самобытна, какъ музыка бульварнаго мостовой, когда по ней ѣдетъ ломовикъ. Но вотъ новый композиторъ, Даниловъ, подражаетъ нѣмцамъ.

Одно только странно. Почему критикъ Ивановъ (извѣстный композиторъ) всю свою долгую жизнь преслѣдовалъ русскую музыку (конечно за исключеніемъ музыки Иванова)? Кого только онъ не ругалъ! И Мусоргскаго, и Балакирева, и Римскаго-Корсакова, не говоря уже о покойномъ Скрябинѣ. Онъ ругалъ даже Чайковскаго, столь несложнаго и доступнаго пониманію публики композитора. Или эти композиторы тоже—изъ нѣмцевъ? Конечно ругань Иванова—величайшая честь для Мусоргскаго и комп., но все-таки характерно, что „Новое Время“, этотъ столпъ „самобытной“ культуры, всегда во всѣхъ областяхъ жизни проявляло такую неаппетитную къ русской культурѣ, русскому творчеству. Уже если кто находится въ ялѣ у германскихъ „юнкеровъ“, такъ именно самобытное „Новое Время“.

Галиційская выставка: угро-русьи.

О. СЛИЦАНЪ.

МЕЧТАТЕЛЬ.

Мама строго-настрого запретила Готiku забираться съ ногами на дивавъ, но сейчасъ мама у себя занимается съ „бездарностями“ и къ Готiku не заглянетъ. (Мама — профессоръ консервагорин, а „бездарности“ — богатая ученица, которымъ мама „ставитъ голосъ“). Кромѣ того запрещеніе касается не одного Готика: оно распространяется и на папу, и на „Маренка“. Но у папы въ кабинетѣ свой диванъ, „Маренка“ уютно устроился подъ кресломъ на коврѣ, разлегся на боку и притворяется спящимъ. Готiku же надо повторять „Законъ“, а сидѣть долго на стулѣ невыносимо скучно. Незамѣтно поддается онъ соблазну: ложится на диванъ животомъ и устраивается такъ, что одна нога виситъ въ воздухѣ. Советъ вѣдетъ на эту сдѣлку и соглашается не замѣчать другой ноги, а Готикъ доволенъ. Въ такой позѣ онъ можетъ мечтать. Зажмурить глаза и давай себя представлять...

Сначала изъ „Закона“: Готикъ живо представляетъ себя сцену продажи Иосифа вѣроломными братьями. Иосифа жалко, но не очень; Готикъ не позволилъ бы сыграть съ собой такой штуки. Разстрѣлялъ бы всѣхъ изъ монтекристо и убѣжалъ бы.

Незамѣтно какъ-то мысль Готика теряетъ историческое направленіе, а болтавшаяся въ воздухѣ нога подбирается на диванъ.

Въ одну секундочку Готикъ сталъ большой, совсѣмъ большой, какъ папа, какъ швейцаръ Грпгорій, — даже больше: какъ бѣфегъ въ столовой. Готикъ чувствуетъ себя гигантомъ; онъ въ высокихъ охотничьихъ сапогахъ со шпорами, въ рукахъ ружье. Этимъ ружьемъ онъ застрѣлитъ медвѣдя, верблюда и рябчика. Съ рябчикомъ у Готика вышла неприятность: на урокъ по „Закону“ Готикъ увлекся, картинно передалъ всѣ бѣдствія потопа и, перечисляя животныхъ, счастливо появившихъ къ Ною въ ковчегъ, прибавилъ отъ себя и рябчиковъ. Анна Александровна смѣялась, а Готикъ было неприятно. Но рябчикъ уже забытъ. Мысль Готика лихорадочно работаетъ надъ созданиемъ аэроплана. Изъ ширмъ, что въ маминѣ спальнѣ, отлично выйдетъ... Вотъ только гвоздей раздобыть и... полетѣть на войну. Но дорогѣ онъ поймаетъ много бѣлыхъ голубей и на длинныхъ ниткахъ привяжетъ ихъ къ аэроплану, пусть достигъ вмѣстѣ съ нимъ. Вотъ онъ пролетаетъ надъ Пев-

скимъ... Всѣ задираютъ головы, указываютъ на него пальцами: „Королевъ летитъ, Королевъ Готикъ“.

Вотъ уже Готикъ и на войнѣ. На мгновенье вспоминаются и дядя Миша, получившій Георгія, и Анатолий Петровичъ, и катинъ жевихъ-драгунъ, но Готику не до нихъ. Позволить ли еще главнокомандующимъ Готику воевать?.. Губы Готика шепчутъ что-то, лицо выражаетъ крайнюю почительность, но и суровую рѣшимость. Это Готикъ разговариваетъ съ главнокомандующимъ:

— Ваша фамилія?—строго спрашиваетъ генераль.

— Королевъ, Игорь.

— Хотите воевать?

— Хочу быть развѣдчикомъ-авіаторомъ.

— Мама позволила?

— Нѣтъ, я самъ.

Генераль свиститъ въ свистокъ, появляется... дядя Миша.

— Возьмите этого мальчика, пусть онъ будетъ у васъ развѣдчикомъ.

Дядя Миша отдаетъ честь, беретъ Готика за руку, и они идутъ на передовыя позиціи.

Свистятъ пули, грохочутъ пушки, скачутъ казаки съ пиками, солдаты кричатъ „ура“, но Готику ничуть не страшно. Дядя Миша ушелъ на прусскій фронтъ, а Готикъ остался одинъ въ окопѣ.

Весь съежился, свернулся на диванѣ комочкомъ Готикъ: надо занимать какъ можно меньше мѣста, а то замѣтятъ его нѣмцы.

Теперь Готикъ—совсѣмъ-совсѣмъ маленькій, какъ игрушечный солдатикъ. Никто его и видѣть не можетъ: онъ мальчикъ-невидимка. Невидимкою заберется онъ тихонько-тихонько въ карманъ мамина пальто и притаится тамъ. Мама поѣдетъ въ консерваторію или къ тетѣ Ольѣ, и, когда будетъ совсѣмъ темно, Готикъ безшумно выберется изъ кармана, доберется до мамини руки и вдругъ пожметъ ей пальчикъ: „Здравствуй, мамочка!“. Ощущеніе этого пожатія, должно быть, крайне пріятное—Готикъ весело улыбается. Пути изъ мамина кармана ведутъ въ какую-то чудесную страну, откуда Готикъ возвращается домой верхомъ на великолѣпномъ слонѣ и въ сопровожденіи забавнѣйшаго слоненка. Готикъ весь въ созерцаніи эффекта, который вызываетъ его возвращеніе; навстрѣчу выбѣгаютъ мама, пана,

„Марскъ“, Катя, „бездариности“, швейцаръ Григорій. Хотятъ снять его со слона, но онъ успокаиваетъ всѣхъ и звонитъ въ колокольчикъ. Тотчасъ слонъ послушно обнимаетъ его своимъ мягкимъ хоботомъ и осторожно ставитъ на лѣстницу.

Стучать въ дверь. Готикъ испуганно вскакиваетъ съ дивана, смущенно здоровается съ учительницей и вспоминаетъ спрашиваетъ:

— Нѣтъ ли у васъ гвоздей, Анна Александровна?

— Какихъ гвоздей? Для чего вамъ?

Готикъ конфузится. По тону учительницы чувствуетъ, что спросилъ некстати, и молча беретъ за книгу. Они занимаются. Готикъ вяло отвѣчаетъ „Законъ“, потомъ пишетъ диктовку, потомъ долго и безнадежно пытается рѣшить задачу съ разносчикомъ, у котораго было два десятка апельсиновъ. Задача не дается. Вѣдный разносчикъ, такъ загадочно распорядившійся своимъ товаромъ, сперва превращается въ охотника на тигровъ, затѣмъ вмѣстѣ съ Готикомъ они производятъ развѣдку австрийскаго фронта... Готика награждаютъ Георгиемъ, разносчика также, но... неожиданно герои обнаружены неприятелемъ. На нихъ нападаютъ Готикъ отчаянно защищается. Выручаетъ слонъ. Животное яростно поднимаетъ хоботъ и несется навстрѣчу австрийцамъ. Сердце сильно бьется, мечта расширяетъ голову. Готикъ не выдерживаетъ:

— Анна Александровна, можетъ слонъ съѣсть человѣка, напримеръ разбойника или нѣмца на войнѣ?

Неожиданный вопросъ застаетъ учительницу врасплохъ и она недоумѣвающе смотритъ на Готика:

— Какой слонъ? Слонъ не ѣстъ людей.

Готику хочется объяснить, что слонъ этотъ, хотя и фантастическій, но для него, Готика, такой же реальный и живой, какъ папа, „Марскъ“ или сама Анна Александровна, но по лицу послѣдней онъ ясно видитъ, что она не пойметъ и пожалуй сочтетъ его врушей. Это обидно, и уже нарочно и со зла Готикъ заявляетъ:

— А я сегодня на аэропланѣ леталъ, на войну...

Вынужденная ложь прогоняетъ мечту. Готику стыдно. Теперь онъ и самъ себя считаетъ врушей и презираетъ до боли. Слезы сами собою льются неудержимо. Анна Александровна отворачивается. Готикъ конфузливо вытираетъ слезы и возвращается къ задачѣ.

О. Слицанъ.

Д. КРЮКОВЪ.

ГАЛИЦІЙСКАЯ ВЫСТАВКА.

Въ еще неотдѣланномъ помѣщеніи этнографическаго отдѣленія Русскаго музея имп. Александра III открылась выставка по этнографіи русскаго населенія Галиціи, Буковины и Венгріи. Открытіе ея прошло совсѣмъ незамѣтно, и, когда я пришелъ туда, меня поразило небольшое количество посѣтителей. А между тѣмъ сходить на эту выставку стоитъ—тамъ можно увидѣть много интереснаго и красиваго и еще лишній разъ подивиться и порадоваться изумительному богатству и оригинальности народнаго творчества.

Выставочныя коллекціи расположены по племеннымъ группамъ, что конечно гораздо нагляднѣе и въ корнѣ правильнѣе всякихъ иныхъ разграниченій. Русскіе галицкой равнины весьма схожи и обиходомъ, и одеждой съ малороссамъ; особенно въ этой группѣ привлекаютъ вниманіе кожаные пояса, украшенные затѣйливыми узорами, и уборъ невесты—цѣлая богатая, пестрая корона изъ цвѣтвъ. Тутъ же видимъ фотографію съ церкви въ с. Сучавица, въ Буковинѣ,—вся она снаружи расписана сверху донизу; конечно на фотографіи все слишкомъ мелко,—хотѣлось бы имѣть болѣе детальныя снимки. Насколько интересна церковная живопись не только въ художественномъ и религіозномъ отношеніи, показывающаго снимкомъ съ изображенія Стефана Первомученика—среди побивающихъ святого камнями мы видимъ поляка, мадыра и румына,—такъ живописецъ, не мудрствуя лукаво, отразилъ историческую судьбу своей родины. Такой же неожиданной цѣли послужилъ памятникъ люблинской уни—съ него снята надпись, замѣненная стихомъ Шевченки:

„Розкуються незадаромъ заковані люде!“.

Вліяніе юга ясно сказывается во всемъ: только тамъ мужчины могутъ носить капелюхи—соломенные шляпы съ перомъ и бисерной лентой,—вышивать на поясахъ; только тамъ можно встрѣтить капоты—одежду, напоминающую наши пѣвческіе кафганы, обшитую галунами.

Интересны домашніе предметы бойковъ, напримѣръ, голумціи кожаныя торбы, украшенныя оригинальными, примитивными рисунками (лошади на нихъ сильно напоминали мнѣ северныя туеса). Домашній обиходъ бойковъ повидному еще очень патриархаленъ—тамъ пользуются деревянными замками, сооружаютъ хитроумнѣйшія мышеловки, скрини—судуки, сплошь покрытыя мелкой, искусной рѣзбой. Бойки носятъ длинныя волосы, и тамъ же, на выставкѣ, можно видѣть манекенъ, изображающій старика съ волосами, заплетенными въ косы,—старинный обычай, почти исчезнувшій въ настоящее время. Церкви въ Бойковщинѣ походятъ на какія-то пагоды—купола на нихъ возвышаются наслоениями, другъ надъ другомъ, что и придаетъ всему зданію сходство съ громаднымъ, фантастическимъ грибомъ. Сильно отличается отъ предыдущихъ церкви самой западной отрасли русскаго племени—лемковъ; онѣ походятъ на пасхи (вспомнимъ неоднократно встрѣчающіеся у насъ примѣры постройки колокольной пасхой и церкви куличомъ). Всего богаче представлены на выставкѣ гуцулы и угро-русы съ ихъ бытомъ и своеобразнымъ, сложнымъ искусствомъ, невольно оставившимъ на себѣ серьезное вниманіе. На гуцулахъ

Бойки.

Русскіе Галицкой равнины.

сказывается сильное влияние соседней Венгрии; особенно это заметно в костюмах—пестрых безрукавках, обшитых мехом, кофужах, украшенных узорами из цветных кусочков кожи.

Быть гуцулов до сих пор еще очень патриархальны и несложны; достаточно посмотреть на солидные, тяжелые сумки-табивки и старинные, наивные пистолы. Это почтенное, весьма грозное на вид и довольно безсильное на деле оружие переносит зрителя к тому отдаленному времени, когда вооруженный пшч человек не боялся бдть и золь и внушалъ каждому встречному должное уваженіе. Вѣроятно послѣ долгой дороги хорошо было отдыхать въ домашнемъ гротѣ. На выставкѣ есть конія керамиковой печки, сдѣланной мастеромъ Петромъ Кошакомъ для собственной хаты. У такой печки хорошо рассказывать сказки, лѣниво мечтать послѣ труднаго дня; вся она изукрашена мастерски, затѣливо,—туть и львы, и пѣтухи, орлы и козлы, ученый медвѣдь, церковь и наконецъ два гуцула, чокающіеся бокалами нива. Такую печку не скоро забудешь—все будетъ она поминаться, какъ милая дѣтская сказка, какъ хорошей волшебный сонъ. Петръ Кошакъ—истинный художникъ; посмотрите на фотографію, изображающую его печь для обжиганія посуды, а потомъ на издѣлія, вышедшія изъ нея,—и вы дадитесь диву, глядя на достигнутые результаты, тонкость и тщательность работы.

Любопытно сопоставить искусство и бытъ гуцулов, сравнить изощренность народного художества съ простотой и практическимъ убожествомъ домашности. Келефы, палицы и торопцы—великолѣпныя трости съ инкрустацией, разнообразныя, прелестныя писанки, сундуки-скрини, покрытыя рѣзбой, гирдани—бисерныя ожерелья,—все это говоритъ о богатой, изощренной культурѣ, о присутствіи въ народѣ творческаго дара. И рядомъ съ этимъ громады, саженыя трубы—трембиты, деревянныя замки и ключи, первобытныя каганцы и снаряды для добыванія огня трениемъ! Какъ совмѣстить такое убожество и такую красоту? Мнѣ кажется, что въ этомъ-то

народь, побуждаемый сердцемъ, нашеть путь правильнѣй единственно-вѣрный. Самыя лучшія силы духа онъ отдастъ творчеству самодовлѣющему и въ корнѣ безнолезному (вѣдь сундукъ безъ рѣзбы такъ же удобенъ, какъ и рѣзной), удѣляя комфорту въ узкомъ смыслѣ этого слова лишь остатокъ жизненной энергіи. Положите рядомъ самыя лучшія наши галиційскія щипцы для орѣховъ—наши разсматривать нечего, надо колоть и больше ничего, а тѣ, издѣлія невѣдомаго художника, сразу привлекаютъ вниманіе: это—не щипцы, а двѣ пѣтушиныхъ головы, колоущихъ орѣхи желѣзными клыками. Пусть это—парадоксъ, но для меня правда въ деревянномъ замкѣ и инкрустированной мелкими голубыми бисеринками тарелкѣ, а не въ лифтѣ и фабричныхъ издѣліяхъ. Впрочемъ конечно всякій судить по-своему.

Я провелъ на галиційской выставкѣ нѣсколько часовъ, былъ очень радъ, что попалъ туда. Меня отнюдь не тревожатъ сантиментальныя восторги нашихъ журналистовъ: многіе изъ нихъ никогда равьше и не слышали про Галицію, только теперь стали воспѣвать ее въ дубовыхъ стихахъ и скучной прозѣ. Меня обрадовала свѣжесть народнаго творчества, чуткость землн къ красотѣ, и я уходилъ съ выставки обновленнымъ живой водою народнаго духа. Въ этой области такъ много заманчиваго и неизвѣданнаго—только подойдите къ народу непредубѣжденно, взглянувши въ его спокойныя лики, увидите, какъ мало общаго у него съ присяжными народниками и какъ много въ его душѣ жажды красоты, потребности стояннаго творческаго труда.

Безъ наивности, безъ душевной свѣжести мыслить и поэты? Потому-то вѣроятно въ бѣдныхъ деревушкахъ и рождаются такіе прекрасные мастера, какъ Петръ Кошакъ.

Галиційская выставка радуеть, словно бисеринка въ деревянной тарелкѣ гуцула, словно кусочекъ далекаго, непонятнаго неба среди хмары штампованной жизни, такъ радуеть сердце западомъ земли и вѣяннємъ суроваго и простого духа.

Димитрій Крючковъ.

Невѣста гуцулка.

Бойка.

ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ СЛАВЯНЕ И ПУШКИНЪ.

Прислушиваясь къ голосамъ поэтовъ, мы угадываемъ иногда не только сокровенныя и значительныя переживанія самихъ лирическихъ пѣвцовъ, но и сердечныя устремленія нации. Въ этомъ едва ли можно сомнѣваться съ достаточнымъ основаніемъ. Внѣшній конфликтъ „черни“ и поэта вовсе не исключаетъ внутренняго тѣснаго единенія между поэтомъ и народомъ, и сама исторія оправдываетъ и какъ бы подтверждаетъ каждый разъ пророчества лириковъ, предугадывающихъ тайныя движенія народнаго духа... Вонистину безъ наме поэтовъ реальнѣе нашей трезвой повседневности и такъ называемаго здраваго смысла.

Вольнодумныя и вольнолюбивыя оды всегда неизмѣнно совпадали съ естественными желаніями порабощенныхъ націй. Иногда лирики не только превосходили въ своихъ стихахъ волю роднаго племени народа, но и высказывались съ совершенною опредѣленностью на темы болѣе общія, касавшіяся „вопросовъ міровой политики“. Правда, нерѣдко такія поэтическія опыты были продиктованы не столько непосредственнымъ лирическимъ чувствомъ, сколько міровоззрѣніемъ поэта и вліяніемъ того или другаго политическаго ученія. Таковы напримѣръ многіе стихи Хомякова. Въ наши дни напряженнаго вниманія къ балканскимъ событіямъ мы

невольно прислушиваемся къ голосу поэта, который какъ бы по-новому намъ внятись. Незабываемы конечно строфы изъ стихотворенія „Россія“:

«Вставай, страна моя родная» и т. д.

Незабываемы вѣщія слова объ „ужасныхъ грѣхахъ“ Россіи и къ ней обращенныя и столь часто повторяемыя строки:

«Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена»...

И все же пафосъ этихъ стиховъ опредѣляется прежде всего идеями Хомякова, а не тѣмъ безсознательнымъ, что питаетъ собою чистую лирику. Даже тютчевскіе ямбы, посвященные славянамъ, относятся скорѣе къ поэзии ума, чѣмъ къ поэзии сердца. Но умъ не всегда является мудрымъ и желаннымъ вожатымъ на путяхъ поэзии. И нерѣдко фальшивыя и тенденціозныя строки нарушаютъ очарованіе лирики, чуждой по своему существу всякаго самодовольства, даже предопредѣленнаго естественнымъ патриотизмомъ.

Стихи нашихъ поэтовъ-славянофиловъ, хотя и свидѣтельствуютъ въ извѣстной мѣрѣ о нашихъ національныхъ симпатіяхъ, далеко еще не подтверждаютъ реально нашей кровной близости къ западнымъ славянамъ. А между тѣмъ есть

изумительное въ поэзии нашей, если не подтвержденіе этой кровной и реальной связи, то прямое доказательство нашего пониманія самаго существа славянства. Такое доказательство, поэтически убѣдительно, далъ намъ Пушкинъ въ своихъ „Пѣсняхъ западныхъ славянъ“.

Какъ это ни странно, но надлежащей оцѣнки онѣ до сихъ поръ не нашли. И, кажется, одни только Достоевскіи высказали по поводу ихъ свой восторгъ. „Пѣсни западныхъ славянъ,—писалъ онъ,—это—шедевръ изъ шедевровъ Пушкина, между шедеврами его шедевръ“... И далѣе: „Пушкинскія пѣсни—это пѣсви всеславянскія, народныя, вылившіяся изъ славянскаго сердца, въ духѣ, въ образѣ славянъ, въ смыслѣ ихъ, въ обычаяхъ и въ исторіи ихъ“.

Разительнѣе всего въ „Пѣсняхъ западныхъ славянъ“ это рѣшительное отсутствіе всякой тенденціозности. Пользуется ли Пушкинъ извѣстною книжкою Проспера Меримэ, переводитъ ли сербскія пѣсни изъ сборника Вука Стефановича или Караджича, сочиняетъ ли совершенно самостоятельную „пѣсню“,— всегда онъ „возводитъ въ перлъ созданія“ нѣкоторую литературную тему, лишнюю вовсе какой либо идейной программы, и тѣмъ не менѣе эта безпрограммная поэзія сияетъ и донынѣ звѣздой-водопильницей на путяхъ нашихъ, когда мы стараемся разгадать душу западнаго славянства.

Какъ удивительно, что Пушкинъ, при явномъ влеченіи своемъ къ свѣтлой простотѣ и къ ничѣмъ неомраченной легкости, подарилъ міру совершеннѣйшіе образцы и той особенной ночной и таинственной поэзіи, которая находитъ себѣ оправданіе въ символическомъ міропониманіи. Таковы между прочимъ „Пѣсни западныхъ славянъ“.

Въ какую странную и загадочную страну приходимъ мы по волѣ поэта! Страшныя видѣнія посѣщаютъ этихъ королей, оспаривающихъ власть у могущественныхъ покровителей христіанскаго Востока. Здѣсь Янко Марковичъ, преслѣдуемый рокомъ за нечаянное убійство, ищетъ защиты у Спаса, и жена о томъ свидѣтельствуетъ, смотря въ высокое окно, по приказу мужа: сначала „за туманомъ ничего не видно“, потомъ—„малый огонечекъ чуть-чуть брезжитъ въ темнотѣ за рѣкою“ и наконецъ—„на рѣкѣ сиянье“.

«Бей вздохнулъ и съ постели свалился.

Тутъ и смерть ему приключилась»...

Какъ таинственна мрачная исторія Θεодора и Елены и коварнаго сладостлюбца Стамата! Какое дикое очарованіе въ

пѣснѣ о Гайдукѣ Хризачѣ, чья мертвая голова, посаженная на копье, мертвымъ взоромъ своимъ наводила ужасъ на всѣхъ, побѣждая побѣдителей! Какъ мужественно борется Марко Якубовичъ съ могильнымъ выходцемъ, обреченнымъ на вѣчную жажду человѣческой крови! Сколько свободоліе бѣ въ окрыленной пѣснѣ о черногорцахъ! И какъ пророчественна великолѣпная баллада о Георгии Черномъ, гдѣ предугазана вся исторія славянства, великая распря между отцами и дѣтьми и будущи споръ, братоубійственный и кровавый!

„Воевода Мплошъ“, „Сестра и братья“ и „Янышь-королевичъ“—все здѣсь въ дивныхъ чарахъ заколдованной страны.

Реалистъ Пушкинъ какъ будто на единый мигъ заглянулъ въ міръ, чуждый ему, въ міръ суевѣрныхъ предчувствій, гдѣ люди не знаютъ страха, когда имъ грозятъ ятаганомъ, и трепещутъ, какъ дѣти, когда имъ привидится вурдалакъ.

Во всѣхъ этихъ видѣніяхъ неожиданно узнаешь какой-то близкій и давно знакомый міръ. Начинаешь крѣпко вѣрить, что такая страна тебѣ снилась когда-то, и эти короли, лишанные власти иновѣрдемъ, и эти церкви, гдѣ возникаютъ то зловѣщіе и ужасные призраки, то неземной голубой свѣтъ, исходящій отъ Спаса Пречистаго, и эти наконецъ придунайскія поля, благоухающія розами, и черныя скалы, гдѣ, сжимаемая рукояти кривыхъ ножей, таятся повстанцы, возставшіе противъ ислама.

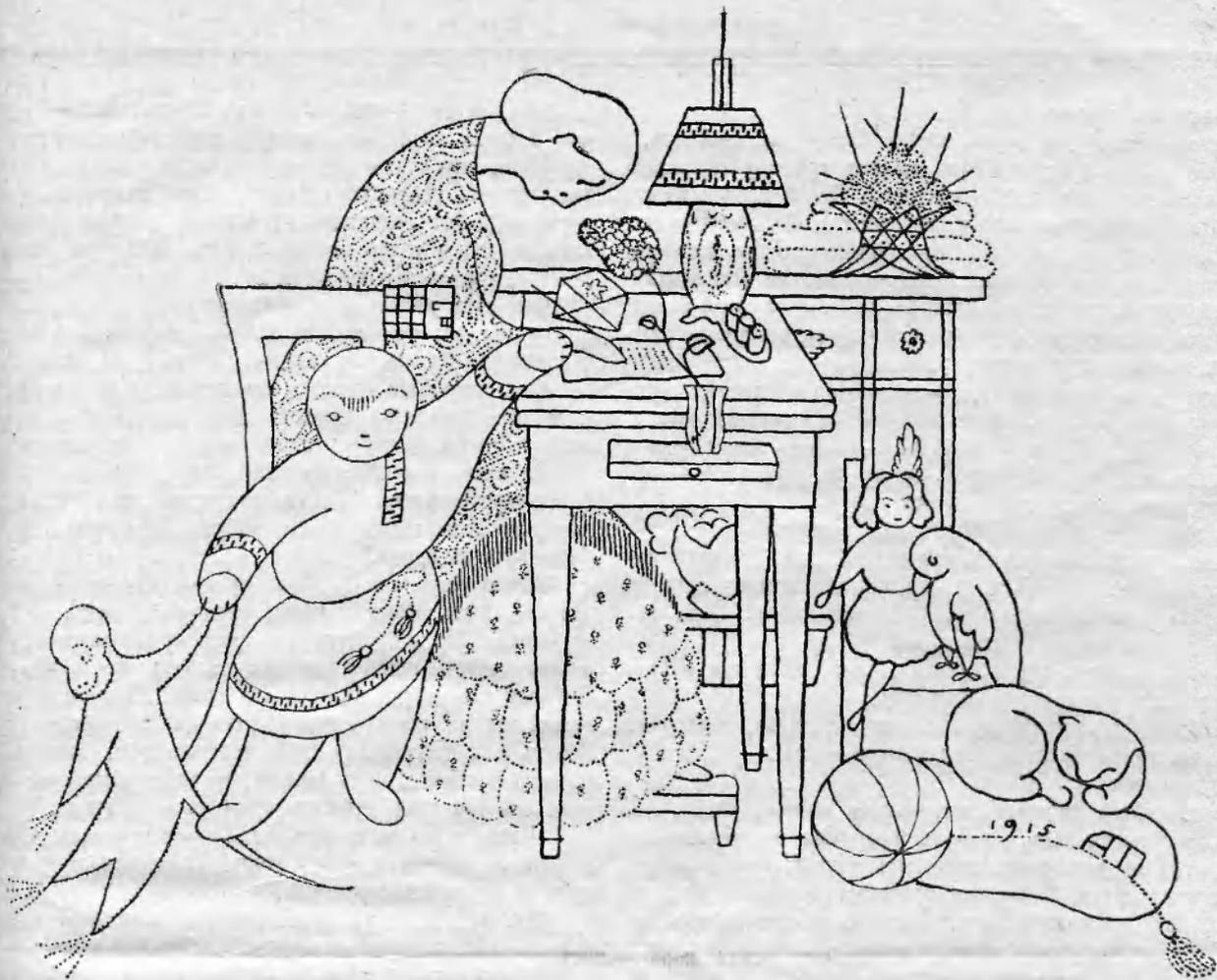
Пушкинъ напомнилъ намъ наши давніе сны. Чудотворецъ онъ сочеталъ наши помыслы и сердечныя влеченія съ нашими мыслями и влеченіями нашихъ предковъ. По волѣ поэта стерлись границы времени и пространства, раздѣлявшія насъ.

Беззавѣтная и безумная отвага, мечтательность, порою суевѣрная, слѣпое упрямство въ иные дни, а въ другіе—великодушіе и щедрость; свободоліе, а иногда лѣнивая покорность судьбѣ; ревнивая, страстная, земная любовь и тайная прѣломудренная мечта о Непорочной,—эти предѣльные противорѣчія таятся въ душѣ славянина. И Пушкинъ гениально разгадалъ эту правду.

Всѣ патетическіе гимны и тенденціозно-патриотическіе стихотворенія нашихъ славянофиловъ блѣднѣютъ и никнутъ предъ чистымъ свѣтомъ пушкинской музы.

Георгій Чулковъ.

Тырановъ. „Письмо“. Рисункъ.

НИКОЛАЙ БРУНИ.

ДОРОГОЙ ЦВѢТОКЪ,

Нужно сдѣлать переходъ въ десять верстъ, чтобы атаковать правый флангъ непріятеля.

X-скій полкъ получилъ соответственный приказъ. Предстояло боевое крещеніе.

Еще струится утренній холодный туманъ и солнце окутано молочной вуалью. Солнце—славный прожекторъ! Его золотые луча протянулись отъ горизонта до дальняго лѣса и скользятъ по истоптанной снѣжкѣ, зажигая росистую пыль, бѣдную отъ заморозка траву, бѣлюю, какъ сѣдая борода.

Прапорщикъ Иванъ Владиміровичъ Хмелинскій временно вымандуетъ ротой вмѣсто захворавшаго ротнаго командира.

Скрипитъ желтое сѣдло, ноги сами сжимаютъ его, такъ же, какъ ежятся плечи отъ утренняго холода. Лицо послѣ сна блѣднѣетъ и на глазахъ красныя жилки.

Лошадь фыркаетъ—два столба пара розовѣютъ въ лучахъ солнца.

— Эй, Сойкинъ, что ты тамъ дѣлаешь?

— Бѣлье смѣняю, ваше высокблагородье.

— Ты что-жъ думаешь, на зимнюю квартиру, что ли?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокблагородье! Только неудобно въ грязномъ бѣльѣ—всѣ подъ Богомъ ходимъ.

Иванъ Владиміровичъ поднялъ брови въ недоумѣніи. Онъ хотѣлъ задать еще вопросъ, но вдругъ замолчалъ и задумался:

„Значитъ, онъ хочетъ быть въ чистомъ, бѣломъ бѣльѣ, когда встрѣтится со смертью.“

Лошадь медленно, осторожно шагала по неровному полю, а Иванъ Владиміровичъ, опустивъ голову, разсматривалъ морозную траву.

Кто-то тяжело закаплялъ. Иванъ Владиміровичъ поднялъ голову. Угрюмый черный солдатъ Горѣловъ, ежась отъ холода, быстро натягивалъ на себя бѣлую рубашку.

— А, и этотъ тоже!

Онъ сталъ осматривать бивуакъ и то и дѣло натыкался на счастливо переодѣвающихся солдатъ.

„Какъ это странно!“

Потомъ задумался и ужъ ничего больше не замѣчалъ.

Какіе у него грѣхи? Могутъ ли быть грѣхи у скромнаго чиновника, честнаго, добросовѣстнаго. Такъ протекла его жизнь до войны, что, кажется, невозможно было согрѣшить.

Онъ не помнитъ ни одного присутственнаго дня, когда бы онъ пропустилъ часы службы. Даже никогда не опаздывалъ. Его любили всѣ товарищи. Никогда не было ни одной ссоры. Онъ зналъ за всю жизнь только свою жену, потому что рано женился и никогда не измѣнялъ.

Вдругъ онъ покраснѣлъ, такъ ужасно покраснѣлъ, что кровь прилила къ вискамъ и стала стучаться въ стѣнки черепа.

Иванъ Владиміровичъ посмотрѣлъ вокругъ исподлобья и успокоился, увидѣвъ, что никто его не замѣчаетъ.

Такъ вотъ его грѣхъ! Нашелся грѣхъ.

Но это было давно.

И онъ сталъ вспоминать всѣ подробности. Однажды зашелъ къ нему товарищъ и пригласилъ его и жену идти на вечеръ съ благотворительнымъ базаромъ. Жена была нездорова и идти не хотѣлось.

— Ну, пойдемъ же, голубчикъ, надо же когда нибудь встряхнуться, — уговаривалъ товарищъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, пошелъ бы ты, Ваня, — говорила жена, — ты всегда киснешь, — поди, развлекись!

Онъ наконецъ согласился.

Больше всего смущало потрепанное платье, когда онъ вошелъ въ большой залъ. Это — не маленькая полутемная гостиная, гдѣ не разглядятъ потертыхъ локтей, какого нибудь пятнышка на груди. Здѣсь все бросается въ глаза. И было досадно, что согласился идти. Раньше, до женитбы, было особенное чувство одиночества и ожиданія, когда онъ бродилъ по освѣщенному залу, музыка щемила сердце, но теперь... Онъ такъ любитъ свою жену, столько силъ отдалъ дѣтямъ.

— Нѣтъ, голубчикъ мой, это все-таки ужасно глупо, что мы пошли, — говорилъ онъ товарищу, а тотъ улыбался и приглаживалъ нафабранные усы:

— Увѣряю тебя, что ты не пожалѣешь! Ну-ка, тряхни стариной. Вонъ барышня дожидается, когда ты ее пригладить на *tour de valse*.

— Нѣтъ, ужъ это я тебѣ предоставляю!

Товарищъ ушелъ приглашать, а Иванъ Владиміровичъ остался, немного сердитый, скучающій. Заходилъ въ курительную комнату, потомъ сидѣлъ на стулѣ у стѣны, глядя на танцующія пары. Приятно было сознавать, что его не смущаютъ открытыя плечи женщинъ, изъ которыхъ многія были гораздо красивѣе его жены.

Онъ уже собирался уходить, когда подошелъ товарищъ и таинственно нагнулся къ уху:

— Ну, братъ, я тебѣ доложу, и номеръ!

— Что такое?

— Ну, понимаешь, такая красавица, удивительная красавица! Только не про насъ! Тутъ, братецъ мой, нужны деньги, деньги и деньги! Пойдемъ, я тебѣ покажу.

У наряднаго прилавка, гдѣ среди цвѣтовъ нѣжились толстые, кичливые анапасы, стояла высокая дама. Ея матовыя узкіе пальцы обнимали бутылку шампанскаго, наклоненную надъ бокаломъ; изогнутая восковая кисть, свѣжая пѣна сверкающей влаги...

Иванъ Владиміровичъ не замѣтилъ, что его товарищъ уже прошелъ дальше, и вдругъ опомнился: неудобно стоять такъ и смотрѣть. Онъ неловко повернулся и, задѣвъ чье-то плечо, пошелъ въ другую сторону.

„Фу, чертъ! Нужно было хоть извиниться!“ — подумалъ онъ и сталъ ходить по гостиной, разыскивая товарища.

Нѣтъ, ему совершенно нечего здѣсь дѣлать! Онъ сейчасъ уйдетъ, непременно уйдетъ. Жена нездорова, навѣрняка скучаетъ... Онъ вспомнилъ руки жены: широкій суставъ и ваго пальца и такой плоскій ноготь. И вдругъ стало приятно, болѣзненно неприятно.

Онъ сѣлъ на стулъ и нахмурился.

— Ну, ты чего-жъ, пріятель? — услышалъ онъ голосъ товарища. — Ну, какова, братъ, дамочка?! А! какова?

Было неприятно слышать его голосъ, тонъ его разговора былъ оскорбительнъ, особенно слово „дамочка“. Было неприятно смотрѣть на его увѣренное лицо съ нафабранными усами.

Но какое ему дѣло до этого бала и какая тамъ, чертъ побери, благотворительность! А дама, продающая шампанское, это навѣрно содержанка какого нибудь толстосума... и самая безчестная женщина.

Почему безчестная? Вѣдь нужно знать ея исторію, дѣтство. Быть можетъ, влияние родителей, среда...

Иванъ Владиміровичъ еще разъ прошелся по гостиной и его взоръ остановился на глазахъ красавицы — дамы. Неужели кто нибудь цѣлуетъ эти глаза? Неужели можно целоваться губами этихъ густыхъ рѣсницъ, тончайшаго шела? Вдругъ онъ представилъ себѣ толстыя губы, быть можетъ пьянаго человѣка, быть можетъ, грязныя, покрытыя жиромъ супа или горчицей, губы, которыя нагло цѣлуютъ.

„Нѣтъ, этого не можетъ быть!“ — успокаивалъ онъ себя.

Такого человѣка можно убить! Такъ прямо вштыться глазами и раздавить горло!

Ахъ, эти восковыя руки! Сколько поцѣлуетъ на нихъ сколько губъ ласкали эту матовую кожу!

— Послушайте, господинъ, позвольте пожалуйста пройти! — услышалъ онъ за спиною голосъ.

— Ахъ!.. да... виноватъ...

Какъ глупо однако! Онъ опять стоить... и, быть можетъ, съ бессмысленнымъ лицомъ. Неприлично же наконецъ!

Неприлично? Почему же неприлично?

Господинъ во фракѣ подошелъ и попросилъ шампанскаго. Красавица съ улыбкой протянула длинный бокалъ, на рукѣ лиловыми, желтыми, синими звѣздами блестя бриллианты.

Иванъ Владиміровичъ вдругъ, неожиданно для себя, сделалъ нѣсколько шаговъ и всталъ предъ самой стойкой.

— Позвольте мнѣ пожалуйста бокалъ шампанскаго!

Что случилось тогда съ нимъ, онъ и послѣ не могъ понять. Онъ нисколько не растерялся. Онъ смотрѣлъ прямо въ глаза, и когда она протянула руку съ бокаломъ онъ взялъ его и поклонился, не отводя взора отъ ея глазъ. Да, она замѣтила этотъ взглядъ, этотъ поклонъ, потому что даже не сразу отняла руку, когда онъ уже взялъ бокалъ.

У нея даже немного дрогнули брови, шелковыя брови.

— Сколько я долженъ?

— Три рубля.

Но онъ нисколько не смутился и тогда, когда доставали бумажникъ, когда протягивалъ ей деньги...

Низенькій, коренастый эфренторъ прервалъ воспоминающаго Ивана Владиміровича.

— Ваше высокблагородье, разрѣшите доложить?

— Что нужно?

— Его превосходительство приказали сказать вамъ, черезъ четверть часа полкъ долженъ выступать.

— Хорошо. Доложи, что будемъ готовы.

— Слушаю-сь, ваше высокблагородье.

— Готовы у насъ всѣ?
— Такъ точно, готовы!
— Ну, ступай!
— Слушаю-сь!

„Что же было дальше?“ — сталъ опять припоминать Иванъ Владиміровичъ.

Дальше онъ узналъ, что она каждый день въ четыре часа проходитъ всегда по той же аллеѣ городского сада, что гуляетъ одна, очень недолго. Ея экипажъ дожидается у воротъ сада.

Онъ издали замѣтилъ ее и смотрѣлъ ей въ глаза. Хотѣлось поклониться. И вдругъ она подняла глаза и улыбнулась. Онъ приподнялъ шляпу и поклонился.

Такъ встрѣчались они каждый день въ четыре часа. Она оборачивалась, подходя къ экипажу, подбирала складки платья, и видны были тонкіе перехваты надъ ступнями, когда желтый ботинокъ касался подножки экипажа...

Лошадь Ивана Владиміровича споткнулась и послѣ легкаго прыжка стала перебирать ногами. Иванъ Владиміровичъ поднялъ голову.

Солдаты разбирали винтовки.

— Да я-жь тебѣ говорю, моя впитоука!

— Да вѣтъ, моя. Вона мѣтина, видишь—мѣтина, знаешь моя.

Затягивали ременные пояса, поправляли складки шинелей. Солнце скользило по загорѣлымъ лицамъ. Говорили негромко и копошились медленно, какъ сонный муравейникъ.

— Послушай-ка, Гавриловъ, что-жь ты дѣлаешь?!

Солдатъ смутился. Онъ пряталъ подъ камень грязное бѣлье.

— Вѣдь пригодится еще, положи въ сумку.

— Слушаю-сь, ваше высокблагородье!

— А почему ты хотѣлъ оставить бѣлье?

— А такъ что, ваш-высок-бла-родье, нехорошо его брать съ собой.

Иванъ Владиміровичъ тронулъ поводья и опять погрузился въ воспоминанія.

Что же было дальше?

Ему поручили заказать вѣнокъ на гробъ умершаго товарища-сослуживца. Предположено было сдѣлать вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ, и онъ отправился въ оранжерею городского сада. Солнце купалось въ пыльныхъ стеклахъ теплицы, толстый эстонскій-садовникъ кривымъ ножомъ срѣзалъ всѣ выбранные цвѣты и сталъ писать счетъ, упираясь животомъ въ конторку.

— Что это здѣсь у васъ?—спросилъ Иванъ Владиміровичъ, указывая на причудливый цвѣтокъ въ широкомъ горшкѣ съ теплой, влажной землей.

— Это—очень шудный цвѣтокъ, называніе „орхидей“.

Это—одинъ цвѣтокъ пятнадцать рублей!

Иванъ Владиміровичъ сталъ разсматривать цвѣтокъ со всѣхъ сторонъ и задумался. Что, если онъ купить цвѣтокъ и преподнесетъ его незнакомкѣ? Быть можетъ, каждый день ей преподносятъ розы, левкой, нарциссы. Если бы онъ былъ хорошо знакомъ съ нею, онъ могъ бы преподнести букетъ розъ. Да и то пожалуй нужно было бы новую тужурку и башмаки.

Но орхидею онъ можетъ преподнести, и навѣрно этого еще никто не дѣлалъ.

— Пожалуйста срѣжьте мнѣ этотъ цвѣтокъ!

Былъ не жаркій, ясный день, когда Иванъ Владиміровичъ сидѣлъ въ достопамятной аллеѣ городского сада на скамейкѣ и смотрѣлъ, ища глазами золотисто-коричневую шляпу со страусовымъ перомъ. Въ его рукахъ была орхидея.

Какъ онъ подоидеть, какъ дастъ ей цвѣтокъ? Странно вспоминать, какъ вообще все это случилось.

Лемки.

Туцугы.

Онъ вдыхалъ тонкій, одуряющій запахъ орхидеи, разсматривалъ хищные лепестки, то и дѣло вглядывался въ лица гуляющихъ, то и дѣло обманывался случайнымъ сходствомъ, смотрѣлъ на часы. Прошло четыре, половина пятого. Просидѣлъ до вечера и не дождался. Она не гуляла въ этотъ день.

Всю ночь орхидея престоила въ сѣняхъ. Къ счастью женѣ нездоровилось, и она не выходила въ сѣни.

На другой день орхидея была еще совсѣмъ свѣжа, но Иванъ Владиміровичъ опять напрасно просидѣлъ въ городскомъ саду. Случилось то же, что и наканунѣ. Только было еще мучительноѣе возвращаться домой. Жена была нездорова, а онъ цѣлый день проадалъ. Этого никогда не случалось раньше.

— Ваня, гдѣ же ты былъ?

— А тамъ пришлось... въ канцеляріи. Понимаешь ли, сѣшная работа... Платять по часамъ... Какъ ты себя чувствуешь, голубчикъ?

У него была кривая улыбка, а жена какъ-то вдругъ замолчала.

Иванъ Владиміровичъ опять сталъ озвратъ, потому что покраснѣлъ. Солдаты стоятъ готовые къ выступленію. Черезъ два часа они встрѣтятъ неприятеля, но думать о смерти было трудно. Еще цѣлыхъ два часа перехода. Это еще такъ далеко.

— Иванъ Владиміровичъ. Доброе утро!

Хмелинскій увидѣлъ священника въ теплой шубѣ съ мѣховымъ воротникомъ.

— Доброе утро, батюшка!

— Да, погода прекрасная. Тишина какая!

— Батюшка, я хотѣлъ сказать вамъ два слова.

Иванъ Владиміровичъ перекрестилъ ногу черезъ крупъ лошади и прыгнулъ на морозную землю.

Прошли нѣсколько шаговъ въ сторону по полю. Лошадь шла сзади въ поводу.

— Мнѣ хотѣлось, батюшка... Я хотѣлъ вамъ рассказать одну исторію. У меня, знаете, на душѣ...

— Да, да, понимаю,—перебилъ священникъ.—Ну, говорите, говорите! Здѣсь никто не услышитъ.

— Ну, я не буду вамъ рассказывать всю исторію, а только такъ, нѣсколько словъ. Я однажды измѣнилъ женѣ, то есть я собственно не измѣнилъ...

И онъ опять покраснѣлъ и застучало въ вискахъ... Да, это было хуже, чѣмъ измѣнить...

— Вамъ, батюшка, покажется страннымъ...

Лошадь фыркнула, ощеривъ зубы, и Иванъ Владиміровичъ отерся носовымъ платкомъ.

— Видите ли, батюшка, я былъ влюбленъ въ одну красавицу. Я самъ не знаю, какъ это вышло. Я купилъ ей орхидею въ пятнадцать рублей, но не могъ ей преподнести, потому что больше не встрѣчалъ ея. Она перестала гулять тамъ, гдѣ я ее всегда встрѣчалъ. И орхидея стала увядать. Она стоила пятнадцать рублей. Не выкидывать же было. Моя жена была тогда нездорова, и я... знаете, я подарилъ эту орхидею женѣ. Я сказалъ ей: „Вотъ, милая... Я тебѣ купилъ“... Да, это было такъ ужасно скверно. Это было... Мнѣ такъ мучительно вспоминать... Орхидея была не совсѣмъ свѣжа. Она начинала увядать. И жена не повѣрила, что это для нея, я увѣренъ, что она не повѣрила, и такъ странно она поблагодарила и замолчала...

Звуки рожковъ тревожно пронесли надъ головами людей.

— Ну, Господь васъ благословить,—п священникъ благословилъ Ивана Владиміровича.

— Спасибо, батюшка.

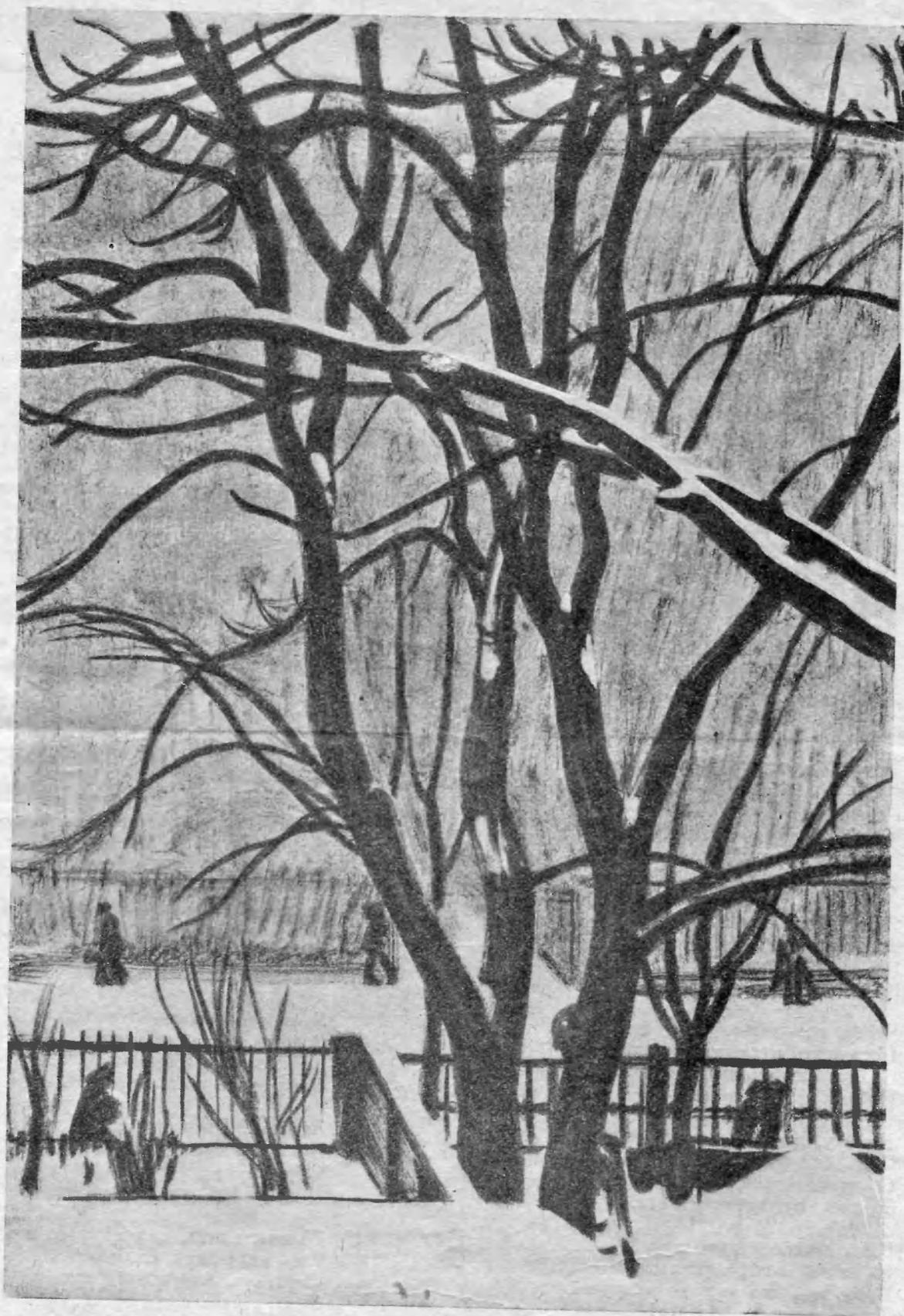
Хмелинскій быстро сторобился и поцѣловалъ священнику руку.

Трубили по веѣмъ ротамъ.

Иванъ Владиміровичъ просунулъ ногу въ стремя и вскочилъ въ сѣдло.

Николай Бруни.

Из альбома художника П. Митурича.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Рыжсе жнивье—какъ книга,
Борозды—древняя вязь.
Мыслить начетчица-рина,
Свѣтлымъ рѣченьямъ дивясь.

Поть трудолюбца-юля,
Сказку кряжистой избы,—
Все начертала косуля
Въ книгѣ народной судьбы.

Полно скоробѣть, человекѣ!
Счастье дается въ чередь...
Тучку—клубъ шерсти овечьей—
Лѣшева бабка прядеть.

Вѣтромъ гудить веретнище,
Марсовомъ тянется нить...
Время въ глубокомъ мочищѣ
Ленъ съ конопелью мочить.

Изморозь стелеть рогожи,
Зябнетъ калины кора,—
Выдубить бѣлыя кожи
Дѣду приспѣла пора.

Зыбку, съ чепцомъ одѣяльце
Прочить болѣзная мать,—
Знай, что кудрявому мальцу
Тяжкой по осени стать.

Что начертала косуля,
Все оборотится въ быль...
Эхъ-ма! Лебедка Акуля,
Спой «Не шуми, чернобыль»!

II. Памяти матери.

Не въ смерть, а въ жизнь введи меня,
Тропа дремучая лѣсная!
Привѣтъ вамъ, братья-зеленя,
Потемки дупель, синь живая!

Я не съ желѣзомъ къ вамъ иду,
Дружась лишь съ посохомъ да рясой.
Но чтобъ припасть въ слезахъ, въ бреду
Къ ногамъ березы сѣдловасой,

Чтобъ помолиться лику ивъ,
Послушать пташекъ-клирошанокъ,
И, брашень солнечныхъ вкусивъ,
Набрать младенческихъ волвянокъ.

На мху, какъ въ зыбкѣ, задремать
Подъ баю-бай осиплой ели...
О, пуца-матерь, тучки прядь,
Туманъ, пушистѣ кудели,

Какъ сладко брагою лучей
На вашей вечери упиться,
Прозрѣвъ, что вѣткою въ ручей
Душа родимая глядится!

III.

Въ оврагѣ снѣжные ширинки
Дыравить посохомъ закатъ,
Полощетъ въ озерѣ, какъ въ кринкѣ,
Плеца на лѣсъ, кумачный платъ.

Въ расплавѣ мховъ и тинѣ роясь,—
Лѣсовику урочный даръ,—
Онъ балахонъ и алый поясъ
Въ тайгу забросилъ, какъ пожаръ.

У лѣсового носъ—лукошко,
Волосья—поросли ракичь...
Кошель съ янтарною морошкой
Луна забрезжить норовить.

Зарить... Цвѣтеть загозье лыко,
Когтисть и свѣжъ медвѣжій слѣдъ,
Озерко—туссъ съ земляникой,
И вешній боръ—за лаптемъ дѣдъ.

Дымится пень, ему лѣтъ со сто,
Онъ въ шапкѣ, съ сивой бородой..
Скрипитъ лощеное бересто
У лаптевяза подъ рукой.

НИКОЛАЯ КЛЮЕВА,

IV.

Уже хоронится отъ слѣжки
Прыскачи заяць... Синь и стыть,
И нечѣмъ голая колѣшки
Березкѣ въ изморозь прикрыть.

Лѣсныхъ прогалинь скатеретка
Въ черничныхъ пятнахъ; на рѣкѣ
Горбуньей-дѣвушкою лодка
Грустить и старится въ тоскѣ.

Осина смотритъ старовѣркой,
Какъ четки, листья обронивъ;
Забывъ хомутъ, пасется «Сѣрко»
На глади сонныхъ, сжатыхъ нивъ.

Въ лѣсной пѣбѣ покой часовни —
Труда и свѣтлой скорби слѣдъ...
Какъ Ной ковчегъ, готовитъ дровни
Къ вселымъ заморозкамъ дѣдъ.

И ввечеру, подъ дождикъ сыпкинъ—
Знать, заплутавъ въ пустомъ бору—
Зайченокъ-лучъ, прокравшись къ зыбкѣ,
Заводитъ съ первенцемъ игру.

V.

Судьба-старуха шпигетъ дни,
Какъ зерна бусъ на нить,—
Мелькнетъ игла—и вотъ они,
Кому глаза смежить.

Блеснетъ игла—опять чередъ
Любить, цвѣты срывать,—
Недологъ день и кратокъ годъ
Нетлѣнное создать.

Все—прахъ и дымъ... Но есть въ вѣкахъ
Богорожденный часъ,—
Онъ въ сердобольныхъ деревняхъ
Зовется Свѣтлый Спасъ.

Не потому-ль родимыхъ сель
Смиренномудренъ видъ,
Что жизнедательный глаголь
Имъ явственно звучитъ,

Что небо теплитъ имъ огни,
И Дѣва—благодать,
Какъ тихій лень спрядаетъ дни,
Чтобъ вѣчное соткать?

VI.

На темномъ ельникѣ стволы березъ—
На ритомъ бархатѣ дѣвическіе пальцы.
Уже рябитъ снѣга, и слушаетъ откосъ,
Какъ скутъ струю ручья невидимые скальцы.

Отъ лыжъ ровень слѣдъ; покинувъ темъ трупобъ,
Бредетъ опушкой лось, вдыхая вѣтеръ съ юга,
И таежный звонарь—хохлатая лѣшуга,—
Усѣвшись на суку, задорно пучить зобъ.

Николай Клюевъ.

Д. ПИНЕГИНЪ.

ТАЙНАЯ КРАСОТА.

... «Островъ иже на Студеномъ морѣ, монастырь Соловецкій, край корельска языка, въ Лопи дикой лежашъ»...

(Кн. Андрей Курбский. «Исторія великаго князя Московскаго, я же слышхомъ и видѣхомъ очима нашими».)

Красоту сѣвера замѣтить не всякій и не сразу; сѣверъ—стыдливая красавица, умиленная келейница,—лицо свое кажетъ неохотно. Такъ и прослыла сѣверная сторона у людей угрюмой, злой, ненастной, безъ умолку твердятъ все о вѣчной темени, о льдахъ, о скудной, тяжелой жизни сѣверянъ. Когда мнѣ случилось собраться на Студеное море, многие меня остерегали, жалѣли и пророчили, что даромъ время пропадетъ, нечего тамъ смотреть, ничего нѣтъ, кромѣ болотныи и гнуса,—гиблое мѣсто. Я людей не послушался, побхалъ, увидѣлъ полуденное солнце и съ тѣхъ поръ болѣю сѣверомъ. Тянегъ неодолимо къ себѣ сѣверная печаль—спокойная, чистая рѣка, тундра безъ края и конца, бѣлые, далекіе снѣга на дикихъ мурманскихъ берегахъ,—и сѣверная радость, полярный хмель,—крикливыя чайки, кипящій сувой Студенаго моря, гремучій, зеленотонный Ледовитый океанъ и люди простые, крѣпкіе, непохожие на здѣшнихъ, крѣпкіе сердцемъ и тайной сѣвернаго чудотворящаго слова. Мужикъ сѣверный каждый годъ видитъ смерть близко, и въ этой близости крѣпнеть его суровый и живой духъ. Художество сѣверное податагъ человеку—березовые туссы разукрашены зелеными, ярко-синими пѣвтами, по красному полю бѣжитъ, лахо раскинувъ ноги, кофейный конь; все ярко, все горитъ,—даже лошныи нарядъ свой красной тесьмой обшивають.

Номоръ любить всякую затѣйщину—у него и сказки такія, съ присловьями, съ прибаулочками; порой даже честная старница какому нибудь почтенному собирателю такую досюльщину выложить, что тотъ и записывать переставеть,—долго ему не прочихаться отъ поморской крѣпкой рѣчи. За новизной тамъ не очень гонятся—все тѣ же три сына, баба-яга, дѣвній колобродъ и иная нечисть. Когда шумитъ грозно и важно зеленая вода подъ утлой, ветхой шинякой и поморы, закинувъ сѣты, спокойно чайничаютъ, тогда-то бывалый человекъ съ недырявой памятью начнетъ сказывать знакомыя еще дѣдамъ бывальщины и досюльщины. Всякій знаетъ, чѣмъ начнется и какъ кончится, и всякому хочется слышать знакомыя, подлинныя, старыя слова. Недаромъ на сѣверѣ крѣпка и старая вѣра—тамъ любить слово хитросплетенное, застывшее навѣки въ нерушимой, святой красотѣ. Недавно мнѣ рассказывали про одну старушку; придетъ она домой послѣ двѣнадцати евангелии, сядетъ усталая чай пить, прошепчетъ „пзгедъ вонъ плакася горька“ и сама заплачетъ. Особенная сила есть для нея въ древнихъ, привычныхъ словахъ; такъ и номоръ—если слѣдить строгій, непмѣнный словесный ходъ сѣверной сказки, то вспомнишь невозможное и страшное „умремъ за единый азъ“.

А какъ причудлива сказочная словесная вязь! Посуду назо-

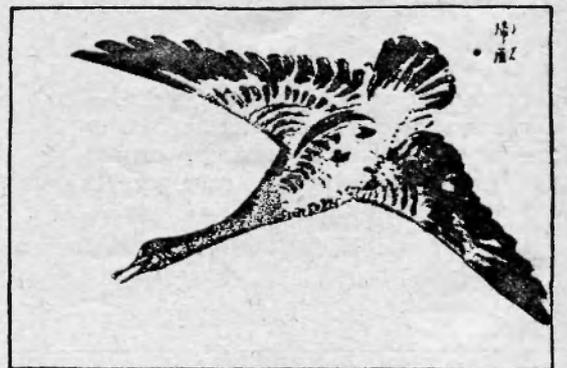
вуть „ядомныи приборъ“, филиппа—„гугай“, зайца—„ушанъ“—расскажутъ про сороканѣгую кобылу, темный суземокъ и двухъ братьевъ—въ одинъ ростъ, въ одинъ толетъ. Прислышайтесь къ отдѣльнымъ словамъ, сграннымъ для городскаго уха,—каждое слово увѣсисто, крупно, ярко, сразу вылиши заичишку и чудесную кобылу, и братьевъ-близнецовъ.

Свирѣпая морянка, грозный взводень, осенняя упорная непогода и стылая зябель не могутъ покорить простого человека; нейдетъ рыба, плохъ промыселъ, а все нѣтъ унынія, и самому себѣ отвѣчаетъ по лоръ: „Утро мудро, день прѣбыточень“. Въ сказкѣ все возможно: изворотливый черепаха морочитъ и пона, и боярина, и самого царя, бѣда даже черга не боится и такія ему загадки загабаеть, что нечисть ударитъ отъ нея рада.

Удивительный, нелѣпый и предестный мѣръ. Старуха хочетъ запереть островомъ Кплотиномъ Кольскую губу, тащитъ его по морю, веревка обрывается, и островъ остается в полпути. Надолго останется это въ памяти, крѣпче, чѣмъ книжные уроки, и все будетъ вспоминаться одинокии островомъ съ зелеными уступами и злая колдунья-старуха. Такъ говорить бывальщина, а то сказочникъ помянетъ про двадцать главую змѣю, про ката-старогода, про бѣднаго мужика,—него съ женой „двѣ кошки подойныхъ, два ката убойныхъ—рогатый скотъ“.

Для всехъ присловій, прибаулочекъ-прибаулочекъ должно быть у сказочника недырявая память, иначе какъ ему вспомнить про подсолнечное царство да про то, какъ понь Паси забылъ или покойникъ ямника хотѣлъ загрызть.

Видно по сѣвернымъ сказкамъ, что недаромъ поморы много между лошныи ходитъ. Народъ загадочный, колдовской—дикая лонь; до сихъ поръ еще живутъ лопские колдуны—нойды, къ нимъ все еще ходятъ люди въ бѣдѣ и страхѣ; до сихъ поръ еще цѣлы каменные вавилоны—страшные, невѣдомые ходы, сложенные неизвѣстно кѣмъ въ пустынной тундрѣ. Въ такомъ соседствѣ не шутя говорятъ о власт-

Дикая утка. Японская гравюра

Борьба съ волками. Японская гравюра.

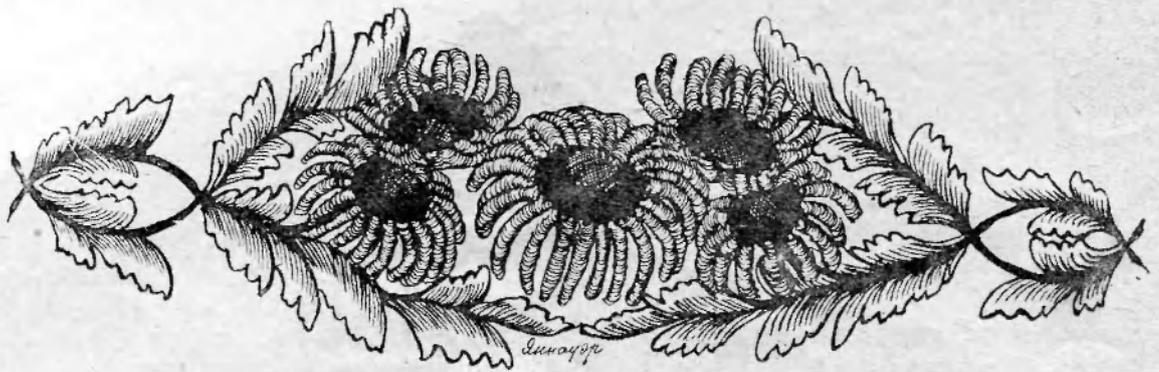
колдуновъ и мертвецовъ, не шутя ихъ бояться и сказки о нихъ почетъ потъ бывальщиной—не то, что разныя небыллицы вродѣ того, какъ „сорокъ братьевъ ѣздили отца крестить“, или яныя прибакулочкы, сложенныя для посмѣха.

Сказка издавна считалась достоинствомъ дѣтей; взрослые не очень любятъ на ерунду свое драгоценное время тратить, лучше газетку почитать или въ кинематографъ сходить. Но есть и среди взрослыхъ люди на дѣтскомъ положеніи—поэты; для нихъ должна открыться сокровищница народнаго вымысла, ихъ должна привлечь къ сказкамъ неземная жажда словесной красоты. И для нихъ-то, для творческаго труда, особенно цѣнны сѣверныя сказки своею еле уловимой, тонкой красотой. У меня есть камни изъ тундры, на нихъ еле замѣтная, сѣроватая минеральная сѣтка; если взглядишься, то прямо поражаетъ причудливый, запутанный рисунокъ—словно легкія-легкія кружева, сплетенныя нездѣшными руками. Такова и сѣверная рѣчь—послѣ нея тусквѣютъ наши книги, становится понятнымъ, какимъ громаднымъ, живымъ богатствомъ мы владѣемъ и какъ неразумно его расточаемъ или же просто оставляемъ лежать праздно, подъ спудомъ. Меня, быть можетъ, упрекнуть въ пристрастіи къ сѣверу—слишкомъ ходячи у насъ мифы и важной прелестью красокъ, о поэтичности восточныхъ ска-

зокъ и прочихъ отдѣлахъ обычнаго канона красоты. Но какъ отречься мнѣ отъ влюбленности въ сѣверъ и непреодолимаго желанія говорить только о немъ и во славу его? Да и нужно ли отрекаться? Каждому вдохнувшему суровый и бодрый воздухъ Студенаго моря будетъ понятна моя любовь къ краю дикой Лоши. Сѣверная сказка подлинна, какъ сѣверная величавая красота, и такъ же обманна, печальна и сверкуча, какъ солнечная невѣроятная, негаснущая ночь. Въ сказкахъ сѣвера пламенѣетъ тихій свѣтъ, вечерній свѣтъ святыхъ Славы,—слово сполохомъ разноогненнымъ озаряется непрерывная темь лопекой зимы.

Мы счастливы тѣмъ, что родную нашу старину можемъ видѣть не въ лавкѣ старьевщика, толстыхъ томищахъ историка или присяжнаго собирателя, а еще живую—въ сѣверныхъ селахъ, на великихъ рѣкахъ—Печорѣ или Сѣв. Двинѣ, на богатомъ Поморѣ, иноческой Печенгѣ и далекой Пазѣ, у норвеговъ. Тотъ, кто разъ испыталъ эту власть живого слова, тотъ знаетъ, какаѣ въ этой кушели благодать. Тайна слова вручена народу; къ этой тайнѣ надо идти, потому что слово—сущность всего, потому что „вся тѣмъ была и безъ него ничтоже бысть, еже бысть“.

Д. Пинегинъ.

ВѢСТИ И МНѢНІЯ.

Письма со стороны.

IV.

На-дняхъ пришелъ ко мнѣ молодой человекъ и принесъ мнѣ въ подарокъ цвѣты—милые лиловые тасжные подсеѣжники, любовно имъ засушенные,—и странный музыкальный инструментъ, состоящий изъ одной струны и стальной подковы. Якуты зажимаютъ его въ зубахъ, и тогда томительные и грустные звуки дрожать при каждомъ прикосновении къ струнѣ пальцевъ музыканта. Инструментъ этотъ, кажется, называется по-якутски „самахунъ“, а, можетъ быть, какъ нибудь не такъ: я забылъ его название, къ моему стыду. (Во Франціи ребятишки играютъ между прочимъ въ точно такую же игрушку, и тамъ она называется почему-то *guimbarde*.) Молодой человекъ, прѣхавшій ко мнѣ изъ далекой якутской тайги, принесъ также свои стихи и поспѣшили мнѣ ихъ прочесть. Стихи лирическіе и вѣроятно написанные не безъ волненія и ювонеской искренности, но—увы!—такіе наивные, беспомощные и слабые по формѣ, что напечатать ихъ можно развѣ только въ „Русскомъ Богатствѣ“. Я, признаюсь, слушалъ терпѣливо эти стихи, подкупленный тасжными подарками, ибо у меня пристрастіе къ тайгѣ, но слушать ихъ все-таки было неловко и какъ-то стыдно.

Милый ювона, прѣхавшій три тысячи верстъ на лоша-дяхъ и восемь тысячъ верстъ по желѣзной дорогѣ, чтобы попасть изъ тайги въ Петроградъ, въ наши дни, разумеется, литературной „погоды“ дѣлать не будетъ. Его за поясъ заткнетъ всякій стихотворецъ изъ Рязани или Тамбова, почитавшій своевременно кое-какія нужные поэту книжки. И слава Богу, что сентиментальный тасжный поэтъ не найдетъ признанія, пока не выучится поэтической грамотѣ и не пойметъ, въ чемъ тайна лирики... Но любопытно, что такіе стихотворцы, какъ мой новый знакомый изъ тайги,—воистину рѣдкость и явное исключеніе. Бѣда теперь въ стихахъ не отъ поэтической первобытности и наивности, а отъ самой усовершенствованной культуры. Кто теперь не знаетъ стихотворной грамоты? Надо въ самомъ дѣлѣ съ дѣтства застрять гдѣ нибудь въ якутской тайгѣ, чтобы сохранилъ такъ свою литературную примитивность. И вотъ вопросъ: что хуже—эта ли откровенная беспомощность мастера, или великолѣпное мастерство для точнаго воспроизведения ничтожвѣйшихъ и по существу низкихъ переживаній.

Еще вчера защитники „искусства для искусства“ могли довольно успѣшно отстаивать свои теоретическіе „окопы“, но сегодня имъ надо отступать предъ многочисленными

„корпусами“ самоочевидныхъ фактовъ. Сотни искуснѣйшихъ стихотворцевъ какъ будто нарочно предстали предъ нами „во весь ростъ“, ничуть не скрывая своей хамской сущности. Даки стали писать въ своемъ родѣ превосходные стихи, вовсе не отказываясь отъ своего лакейства. Извѣстно примѣчательное и едва ли не впервые исторически отмеченное, какъ несомнѣнность.

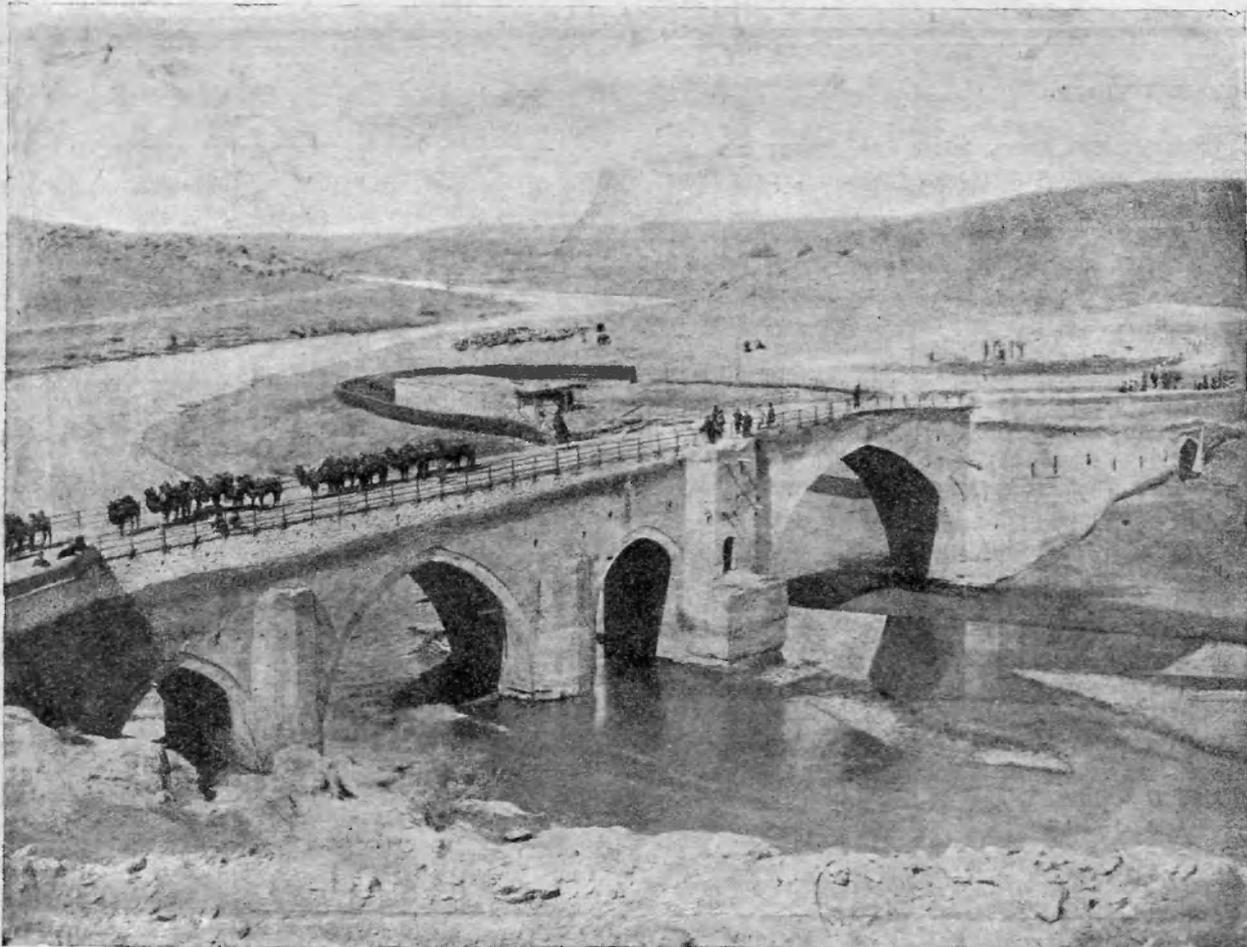
Не удаляясь въ глубину вѣковъ, любопытно сравнить судьбу новѣйшихъ поэтовъ съ судьбою нашихъ старшихъ лириковъ. Какія трудныя, мучительныя и глубокія переживанія раскрыли намъ символисты! Возьмемъ крайнихъ изъ нихъ—декадентовъ, если хотите—Сологуба, Гиппиуса, Блока. Ихъ путь былъ тернистъ и срашенъ. Они покупали свое право быть одинокими дорогою цѣною нелегкаго внутренняго опыта. Въ полномъ соответствіи и созвучіи съ этимъ душевнымъ адромъ была и вишняя ихъ судьба. Сегодня лаврами вѣнчаютъ Сологуба, но знаетъ ли наша молодежь, что долгие годы Сологуба не желалъ печатать ни одного журнала? Этой „одиночной камеры“ не испытали современные стихотворцы, къ услугамъ которыхъ сотни изданій и сотни эстрады. Современные стихотворцы оказались даже и пристрастившимся эстраднымъ. Можно подумать, что утомившись Аполлономъ (богъ, а не журналъ) занялся спеціальною фабрикаціей вундеркиндовъ, занялся тѣмъ, что полегче забывая про свое олимпійское и парнасское достоинство.

Но, разумеется, было бы грубою несправедливостью предъявлять такого рода обвиненіе ко всемъ молодымъ поэтамъ. Я говорю о большинствѣ: не все конечно продастъ свою душу за „чечевичную похлебку“ вишняго успѣха.

Лирика—вообще область опасная и соблазнительная, особенно если открытъ секретъ формальныхъ достижений. И говоря уже о „преступленіяхъ по должности“, то есть фальсификаціи, болѣе или менѣе искусной, „совершенствѣ формы“, есть и еще болѣе важный соблазнъ: это—чувство безответственности. Лирика, дескать, ни къ чему не обязываетъ. Съ легкой руки мэтра Брюсова, господа поэты поспѣшили усвоить не слишкомъ глубокую мысль о томъ, что „все моря и пристани“ равно прекрасны. Пользуясь принципами этой легковѣсной философіи, нетрудно договориться и до флѣты чертъ зиветъ до чего. Такъ оно и бываетъ.

При такихъ тенденціяхъ естественно развивается въ стихотворцѣ ничѣмъ не оправдываемое самодовольство. Каждый изъ лириковъ въ восторгѣ отъ самого себя. Поютъ, какъ цѣтухи, закрывъ глаза на Вожій міръ. Цѣтухи впрочемъ зарю предчувствуютъ, а эти—что?

Все это предисловіе я написалъ для того, чтобы сказать нѣсколько словъ объ одномъ молодомъ поэтѣ, который „изъ яды вонъ“. Я говорю объ Аннѣ Ахматовой. Ея стихи связаны съ лирикою старшихъ символистовъ. Песнь она о томъ же. И при всей своей поэтической самостоятельности она

Въ Закавказьи.

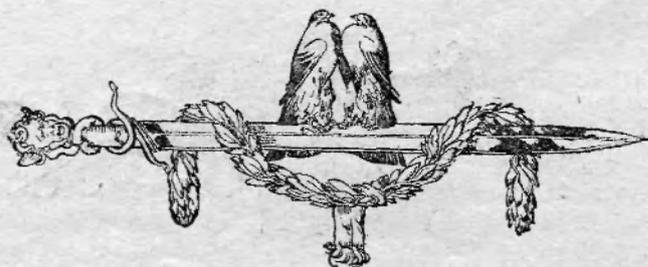
принадлежить къ кругу тѣхъ лириковъ, которые знали, что поэтъ—вовсе не безответственный экспериментаторъ и что поэзія—не бессмысленное шатаніе отъ моря до моря и отъ пристани до пристани, а такое таинственное и магическое дѣланіе, которое ко многому обязываетъ.

Въ наше время истинный поэтъ поетъ о своей главной боли—прежде всего о боли своего одиночества. Такъ и Ахматова поетъ о ней—поетъ мудро, не восхищаясь при этомъ собою, какъ иные. Въ ея стихахъ литературы нѣтъ вовсе. Слагаетъ она свои стихи очевидно только тогда, когда не можетъ ихъ не слагать. Ея книга „Четки“, при тонкости письма и психологическомъ своеобразіи, производитъ однако впечатлѣніе чего-то старомоднаго. Въ ней воскре-

саетъ та печаль, которая совсѣмъ незнакома молодежи предъ-послѣднихъ дней,—я тѣмъ не менѣе эта книга связана не только съ прошлымъ, но и съ будущимъ.

Ахматова поетъ о любви. Но эта любовь, несмотря на земную свою видимость, совершенно лишена косности и къ „дурной безконечности“ не влечетъ. Въ ея поэзіи на новый ладъ повторяется до нея прозвучавшій зовъ-призывъ къ тому, „чего нѣтъ на свѣтѣ“. Въ послѣднемъ номерѣ „Аполлона“ появилась ея поэма „У самаго моря“. Эта поэма—за предѣлами чистой лирики. Къ голосу Ахматовой надо прислушаться. Отмѣчаю это, ибо, когда поютъ сотни, не такъ ужъ легко разобрать, кто поетъ по-настоящему.

Борисъ Кремневъ.

Молодые голоса.

Съ удовольствіемъ даемъ мѣсто еще одному изъ молодыхъ голосовъ, откликнувшихся на споръ о „средѣ юныхъ“ въ „Голосѣ Жизни“.

«Только что прочиталъ статью г. Ястребова. Прежде чѣмъ написать о моемъ впечатлѣніи отъ нея, скажу нѣсколько словъ о письмѣ гми. Н. К. (въ 16 №).

«Правъ Н. К. во всемъ,—о войнѣ, etc. Но я не могу сидѣть, вязать чулки для раненыхъ! Плохъ тотъ, кто сразу рождается общественникомъ. Черезъ индивидуализмъ нужно идти къ общественнымъ идеямъ и дѣламъ. Иначе работа такого „общественника“ будетъ муравьиной работой одного изъ безчисленныхъ муравьевъ безликаго муравейника. „Зеленая“ молодежь, впаивая въ футуризмъ, доказываетъ малость своего „его“, но похвально въ ней стремление изъяснить свое „я“; пусть потомъ сами посмѣются надъ своимъ „футуризмомъ“, зато будутъ имѣть опытъ въ изученіи „я“. Нужно его выработать, чтобы не впасть въ муравьиность. Черезъ любовь къ себѣ—къ любви къ другимъ. „Люби ближняго, какъ самого себя“. Какъ же я могу любить ближняго, если не полюблю и не узнаю себя? Узнавъ, понявъ свое „я“, я могу понять и полюбить чужое, какъ свое.

«Г. Ястребовъ былъ бы правъ, если бы не забывалъ того, что помнимъ мы, теперешняя молодежь: „Да будутъ все едино, какъ Я въ Тебѣ, и Мы во Миѣ едины, Отче“. Черезъ большое и глубокое самоутверждение личности должны пройти эти слова, иначе, вмѣсто единства, основаннаго на милосердіи (которое есть доведенная до крайности любовь къ себѣ), получается „сплоченное большинство“, такъ ненавидимое Иисусомъ.

«Я меньше всего отрицаю мысль Гете: „приходящій позже въ міръ не долженъ блуждать; онъ долженъ воспользоваться совѣтомъ старшихъ и сразу пойти по настоящей дорогѣ“. Совѣтомъ—или опытомъ, вѣрнѣе. Но о „любви къ себѣ“ я волей-неволей долженъ сказать (вѣдь мы, дѣти, такъ и хотимъ высказать все то, что волнуетъ насъ въ настоящее время, въ данную минуту). Я эту любовь долженъ былъ пережить, чтобы идти впередъ. Это—не возвращенье назадъ. Это значитъ, что я еще сознаю себя „ученикомъ“ моихъ предшественниковъ и стою на пути къ новой жизни. Дѣйствительно, переживая моментъ „любви къ себѣ“, уже чувствуешь его неполноту, хочешь чего-то еще и невольно стремишься... дальше.

«Да, я теперь не сомнѣваюсь въ этомъ желанномъ „дальше“. Здѣсь, въ Гроднѣ, вращаясь среди безчисленнаго множества „старыхъ“ просто и „старыхъ-молодыхъ“, поневолѣ теряешь минутами надежду на ясное будущее. Зато какая радость—помощь, какая радость, что я теперь знаю то, что узналъ бы самъ спустя еще долгое-долгое время».

Ст. Ж.

Вашто (1684—1721). „Пьерро“.

Книги, поступившія въ Редакцію для отзыва:

27. «Зеленый цвѣтокъ». Сборникъ. Петроградъ. 1915 годъ. Ц. не обознач.
28. В. И. Сималовъ. Частушки. (Про войну, нѣмцевъ, австрийцевъ, Вильгельма, казаковъ, монополію, рекрутчину, любовныя и т. д.) Петроградъ. 1915 г. Изд. не обозначено. Ц. 25 к.
- Издательство К. Ф. Некрасова. Москва. 1915.
29. «Тути-Наме». Книга попугая. Переводъ съ персидскаго А. Балакина и Павла Сухотина. Ц. 75 к.
30. Поль-де-Сенъ-Викторъ. «Варвары и бандиты». (Пруссия и Коммуна). Ц. 90 к.
31. Стендаль (Генрихъ Бонль). «Красное и черное». Хроника 1830 года. Ц. за 2 тома 2 р. 50 к.
32. Николай Тургеневъ. «Россія и русскіе». Ц. 2 р. 50 к.

ПРИ ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА

необходимо сообщить новый адресъ и обязательно ПРИЛАГАТЬ ТРИДЦАТЬ (30) коп. почтовыми марками и **СТАРЫЙ АДРЕСЪ**, наклеиваемый на оболочку журнала, или сообщать его письменно.

Лицамъ, желающимъ составить съ помощью самой незначительной затраты **ИНТЕРЕСНУЮ и РАЗНООБРАЗНУЮ БИБЛИОТЕКУ**, издательство А. А. Каспари предлагаетъ въ огромномъ выборѣ остатки изданій историческихъ и современныхъ романовъ, повѣстей и рассказовъ лучшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей

по особо **УДЕШЕВЛЕННОЙ** цѣнѣ.

Авантюристка. Историческ. ром. В. Свѣтлова. 197 стр. Ц. 30 к. Бабункины влущения. Пов. Е. О. Дубровиной. Ц. 15 к. Бекровная мѣсть. Истор. ром. Е. О. Дубровиной. 264 стр. Ц. 30 к. Безъ права. Ром. М. Жеребковой. Фейх. Пов. А. Д. Апраксина. 128 стр. Ц. 40 к. Блжннн. Ром. И. А. Строева-Поллина. 128 стр. Ц. 25 к. Воевая страда (отъ Плевны до Шипки). Романъ въ 3 ч. В. И. Немировича-Данченка. Ц. 50 к. Вольная вѣтва. Ром. М. Жеребковой. 112 стр. Ц. 25 к. Вѣдннскнй. В. Г. Его жизнь и значене для русской литературы и русскаго общ. Ц. 15 к. Внушннн. Разск. И. Волковаго. 91 стр. Ц. 20 к. Во власти золота. Ром. Л. А. Чарской. 176 стр. Ц. 25 к. Впередъ. Ром. Вас. Немировича-Данченка. 308 стр. Ц. 35 к. Въ вратахъ эдема. Ром. В. Я. Свѣтлова. 124 стр. Ц. 30 к. Въ добрый путь. Ром. А. А. Соколова. 240 стр. Ц. 30 к. Въ дыму пожаровъ. Истор. ром. В. А. Радича. 230 стр. Ц. 30 к. Въ пасти дракона. Романъ А. И. Красницкаго. 640 стр. Ц. 1 руб. Въ паутинѣ. Пов. С. А. Миклашевской. Ц. 15 к. Въ столичномъ туманѣ. Угол. романъ Л. А. Чернаго. Ц. 20 к. Въ паутинѣ любви. Уголовн. ром. Н. Э. Гейнце. 264 стр. Ц. 40 к. Въ чадѣ любви. Ром. С. А. Миклашевской. 272 стр. Ц. 50 к. Въ чужомъ глѣздѣ. Ром. С. А. Миклашевской. 208 стр. Ц. 40 к. Гдѣ Богъ и правда. Истор. пов. П. Н. Полевого. 236 стр. Ц. 30 к. Господа коммерсанты. Ром. А. Пазухина. 188 стр. Ц. 25 к. Гордая воля. Ром. К. В. Назарьевой. 160 стр. Ц. 25 к. Горный ручей. Пов. Г. И. Ясинскаго. 240 стр. Ц. 30 к. Гроза Византии. Истор. романъ А. И. Красницкаго. Ц. 35 к. Грѣха прошлаго. Ром. А. Пазухина. 128 стр. Ц. 30 к. Два богатыря. Истор. ром. А. И. Красницкаго. 208 стр. Ц. 50 к. Двѣ силы. Ром. А. Д. Апраксина. 224 стр. Ц. 30 к. Для общаго блага. Повѣсть М. С. Серафимова. 312 стр. Ц. 60 к. Добрый геній. Ром. А. Д. Апраксина. 192 стр. Ц. 25 к. Дорого цѣно. Ром. А. Д. Апраксина. 136 стр. Ц. 30 к. Дымъ отечества. Романъ И. А. Строева-Поллина. 272 страницъ Ц. 45 к. Дѣдушка Ларюнь. Романъ А. А. Соколова. 352 стр. Ц. 30 к. Дѣти-неводнннн. Повѣсть А. Е. Зарина. — На шаткой почвѣ. Ром. М. Ф. Караулова. — По исполнителному листу. Пов. А. И. Лаврова. 312 стр. Ц. 35 к. Жертва Валда. Романъ М. Ф. Жеребковой. 128 стр. Ц. 25 к. Жертва трехъ честннннхъ. Истор. ром. Е. Дубровиной. Ц. 30 к. Жестоко и пытанне. Ист. ром. А. А. Арсеньева. 216 стр. Ц. 30 к. Завѣтъ матери. Пов. М. Ф. Жеребковой. Ц. 15 к.	Заморскнй выходець. Историческнй романъ Н. Н. Алексѣева. 272 стр. Ц. 30 к. Зарво. Ром. В. А. Радича. Ц. 25 к. Зароднужкронь. Ром. Р. Л. Смѣльскаго. 264 стр. Ц. 30 к. Защнтннкъ угнетенныхъ. Уголовн. ром. И. Н. Цюномарева. 198 стр. Ц. 25 к. Змѣя въ кольцѣ. Ром. А. И. Лаврова. 192 стр. Ц. 40 к. Золотая фея. Уголовн. ром. А. И. Соколова. 152 стр. Ц. 30 к. Игра судьбы. Ром. О. Воровиной. 132 стр. Ц. 10 к. Измѣнннкъ. Истор. ром. Н. Н. Алексѣева. 128 стр. Ц. 40 к. Историческнн рассказы. С. Н. Терпнгорена. 373 стр. Ц. 30 к. Ищите и найдете. Истор. ром. кн. М. Н. Волконскаго. Ц. 50 к. Иахлль. Трагеднн. — На мостѣ. Трагеднн. — Не устоялъ. Фарсъ. 168 стр. Ц. 20 к. Князь Борнсъ Тншннъ. Ром. Е. И. Заринной. 184 стр. Ц. 30 к. Князь Дмитрнй Донской. Истор. ром. А. В. Арсеньева. Ц. 30 к. Князь Мнхалль Вншневецкнй. Истор. ром. Г. Крашевскаго. 424 стр. Ц. 35 к. Красная кннгннн. Ром. А. Лаврова. 192 стр. Ц. 30 к. Кровью, огнемъ и желѣзомъ. Истор. ром. А. А. Соколова. 192 стр. Ц. 60 к. Кулднсы. Романъ Вас. И. Немировича-Данченка. 128 стр. Ц. 30 к. Курскнн порубежннн. Истор. романъ В. Л. Маркова. Ц. 35 к. Къ солнцу. Современнй романъ Л. А. Чарской. 168 стр. Ц. 25 к. Легкнн денннг. Ром. въ 2 част. К. В. Назарьевой. Ц. 30 к. Лншннн чувствн. Повѣсть. — Поневоль. Разск. Д. Д. Мнзаева. 216 стр. Ц. 30 к. Ложннн слѣдъ. Романъ А. Е. Зарина. 216 стр. Ц. 30 к. Любовь. Ром. Е. О. Дубровиной. 136 стр. Ц. 25 к. Манджурское золото. Уголовннй романъ А. И. Лаврова. Цѣна 40 коп. Марннка-безбожннца. Исторннй ром. П. Н. Полевого. Ц. 30 к. Мафннн-царство зла. Угол. ром. А. И. Соколова. 288 стр. Ц. 40 к. Между долгомъ и счастьемъ. Романъ В. А. Пннчука. Ц. 30 к. Молодыя силы. Повѣсть В. К. Булгакова. 276 стр. Ц. 25 к. Мощь женскаго сердца. Романъ Е. О. Дубровиной. Ц. 25 к. Мстнтель. Ром. К. В. Назарьевой. 244 стр. Ц. 30 к. Муза. Ром. — Пять повѣстей и разск. Г. Ясинскаго. 226 стр. Ц. 30 к. На зарѣ новыхъ дней. Ист. ром. Н. Н. Алексѣева. 216 страницъ Ц. 40 к. На ннвѣ народной. Пов. М. С. Серафимова. 424 стр. Ц. 40 к. На огонекъ рампы. Очеркн О. Н. Чюмной. 129 стр. Ц. 25 к. На роковомъ просторѣ. Истор. романъ П. Н. Полевого. Ц. 25 к. Неравннй бракъ. Романъ В. Я. Свѣтлова. 296 стр. Ц. 40 к. Нечнстая сила. Ром. Г. И. Ясинскаго. 262 стр. Ц. 30 к. Нн та-нн другая. Ром. А. Круглова. 192 стр. Ц. 25 к.	Новгородская вольннца. Истор. ром. Н. Гейнце. 228 стр. Ц. 30 к. Новые повѣсти и рассказы. 1) У Тарасовой горы. 2) Около цвѣтовъ. 3) Не лонннн. 4) Степаль Ивановнчъ. Ц. 30 к. Новый человѣкъ. Нов. А. А. Соколова. 248 стр. Ц. 40 к. Новыя пѣснн. Ром. В. Я. Свѣтлова. 256 стр. Ц. 50 к. Опалнннй. Истор. ром. въ 2-хъ част. Е. О. Дубровиной. Ц. 30 к. Ордннарнн профессоръ. Пов. Г. Ясинскаго. 228 стр. Ц. 30 к. Отець. Пов. В. Пннчука. Ц. 15 к. Отець Алексѣй изъ Заозерья. Ром. А. А. Соколова. Ц. 30 к. Передъ бурей. Истор. ром. В. А. Радича. 180 стр. Ц. 25 к. Пе тербурскнн гадалка, знатхари и корднннн. Ц. 15 к. Побужденное сердце. Ром. И. Н. Внзовскаго. Ц. 30 к. Подъ властью тьмы и свѣта. Ром. А. И. Лаврова. Ц. 1 р. Подъ внезапной грозой. Современ. ром. И. А. Строева-Поллина. 200 стр. Ц. 40 к. Подъ волнами Иматы. Уголовннй романъ А. И. Лаврова. 208 стр. Ц. 40 к. Подъ гнетомъ застоя. Повѣсть Е. Дубровиной. — Побужденннй. Этюдъ В. Я. Свѣтлова. — Загробная снла. Разсказъ Е. Дубровиной. 118 стр. Ц. 15 к. Подъ каштанамн и Современннй Циркъ. Двѣ пов. Е. О. Дубровиной. 184 стр. Ц. 25 к. Подъ корнемъ. Ром. А. Е. Зарина. Цѣна 30 к. Подъ святымъ крестомъ. Ром. А. И. Лавннннн. Ц. 40 к. Покннцнн. Ром. А. А. Соколова. 144 стр. Ц. 35 к. По наклонной плоскости. Ром. К. В. Назарьевой. 238 стр. Ц. 30 к. По признанно. Ром. В. Я. Свѣтлова. 208 стр. Ц. 30 к. Потомкн тнтанонъ. Истор. ром. К. В. Назарьевой. 192 стр. Ц. 25 к. По стопамъ Великаго Петра. Ист. ром. Красницкаго. Ц. 30 к. Потрвоженннн тѣнн. Рассказы С. Агавн (Терпнгорена). Ц. 30 к. Поэтъ-посланннкъ. Истор. пов. М. Никольскаго. 128 стр. Ц. 30 к. Право сильнаго. Ром. Л. А. Чарской. 168 стр. Ц. 25 к. Право сильнаго и Великое наслѣдство. Двѣ повѣсти Е. О. Дубровиной. 160 стр. Ц. 50 к. Предсказанне ворожеи. Истор. романъ С. П. Кнсьемскаго. Ц. 20 к. Прнвнчка. Пов. В. Мунжелн. — Отлнвѣ. Разск. Ц. 20 к. Прнвнзаннн къ боярнннн. Истор. ром. А. А. Соколова. 214 стр. Ц. 60 к. Промыселъ Божнй. Пов. Г. И. Крашевскаго. Ц. 30 к. Проснть. Пов. В. А. Рышкова. 192 стр. Ц. 25 к. Путеводная звѣзда. Ром. А. Пазухина. 224 стр. Ц. 30 к. Пушкннъ. А. С. Его жизнь и произведеннн. Ц. 15 к. Разбитая жизнь. Ром. въ 2 част. Е. Заринной. 228 стр. Ц. 30 к. Расплата. Ром. — Тайна. Разсказъ В. Я. Свѣтлова. 240 стр. Ц. 30 к.	Ренегатъ. Ром. А. И. Красницкаго. 320 стр. Ц. 60 к. Рождена быть принцессой. Ром. В. Мейеръ. Ц. 35 к. Роковая опнбка. Романъ К. Л. Гревъ. 184 стр. Ц. 25. Россия подъ скипетромъ Дома Романовыхъ. Истор. очеркъ А. А. Соколова съ портр., карт. и родословной таблиц. Ц. 50 к. Свѣтъ во мракѣ. Пов. и разск. В. И. Немировича-Данченка. Ц. 40 к. Свѣтъ погасъ. Ром. Г. И. Ясинскаго. 192 стр. Ц. 30 к. Семья Колѣвннннхъ. Романъ кн. М. Волконскаго. 168 страницъ Ц. 25 к. Сердце скажетъ. Ром. Г. И. Ясинскаго. 240 стр. Ц. 30 к. Сестра милосерднн. Истор. ром. А. Соколова. 624 стр. Ц. 1 р. 50 к. Снла неотрнзнмая. Ром. А. Павлова. 192 стр. Ц. 40 к. Снльфонда. Истор. ром. въ 3 част. И. Потапенко. 400 стр. Ц. 35 к. Снрена. Истор. ром. кн. М. Н. Волконскаго. 288 стр. Ц. 50 к. Слово и дѣло. Ром. И. Н. Потапенко. 240 стр. Ц. 30 к. Сожженннн стѣнн. Истор. ром. А. А. Соколова. Ц. 60 к. Солнце встанетъ. Романъ Л. А. Чарской. 160 стр. Ц. 30 к. Столнчннн тайнн. Ром. А. И. Лаврова. 478 стр. Ц. 1 р. Съ живого кожу. Исторннй ром. А. А. Соколова. Ц. 60 к. Свѣрне герои. Романъ А. Е. Зарина. 240 стр. Ц. 30 к. Тайна. Романъ А. А. Соколова. Ц. 30 к. Тайннй врагъ. Истор. ром. Н. Н. Алексѣева. 192 стр. Ц. 30 к. Талннская чертовка. Ист. пов. П. Н. Полевого. 212 стр. Ц. 30 к. Тамъ и здѣсь. Ром. И. А. Строева-Полнна. 176 стр. Ц. 40 к. Татарскнй отпрыскъ. Ист. ром. Н. Н. Алексѣева. 282 стр. Ц. 35 к. Театральннн солдата. Ром. А. А. Соколова. 336 стр. Ц. 1 р. 50 к. Темннй блескъ. Романъ В. Я. Свѣтлова. 180 стр. Ц. 35 к. Тнхнн радостн. Ром. А. Д. Апраксина. 166 стр. Ц. 35 к. Тяжелымъ путемъ. Разсказъ И. Мнтропольскаго. 112 стр. Ц. 20 к. Убнство нн постоянномъ дворѣ. Романъ Г. И. Ясинскаго. Ц. 35 к. Удасся-лн? Пов. В. Грнгорьева. 272 стр. Ц. 30 к. У Покрова въ Левшннн. Пов. графа П. А. Вадуева. Ц. 25 к. Утопнн. Повѣсть В. Я. Свѣтлова. Ц. 15 к. Учнтель. Повѣсть Г. И. Ясинскаго. 104 стр. Ц. 20 к. Царнца хунхузовъ. Ром. А. И. Лаврова. 160 стр. Ц. 40 к. Царскнй соколъ. Истор. разсказъ А. Е. Зарина. — Отжнвнющнн типъ. Разсказы Е. О. Дубровиной. — Комеднннн дѣнство. Пов. XVII в. Ясинова. Ц. 40 к. Царь работннкъ. Истор. ром. Н. Н. Алексѣева. 248 стр. Ц. 40 к. Черезъ двадцать лѣтъ. Ром. Е. Дубровиной. 304 стр. Ц. 30 к. Чудннн. Романъ Е. Дубровиной. 181 стр. Ц. 25 к. Чудо-богатырн. Истор. ром. А. И. Красницкаго. 208 стр. Ц. 50 к.

Требования и деньги адресуются: С.-Петербургъ, Лнговская улнца, д. № 114, **КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО А. А. КАСПАРИ.**

При выпискѣ книгъ этой сернн (по особо удешевленной цѣнѣ) на сумму въ десять рублей и болѣе дѣлается уступка въ десять процентовъ. При выпискѣ книгъ изъ провинцнн покортннннн проснть гг. заказчнкнн обязательно указывать блнжайшую **ПОЧТОВУЮ СТАНЦЮ**, что безусловно необходимо ввиду того, что всѣ книги выслаются только заказнннмъ бандеронннмъ нлн посылкннн.

Кннгн выслаются также и наложеннымъ платежомъ, но не менѣе, какъ на одннъ рубль, причемъ при выпискѣ кннгн съ наложеннымъ платежомъ необходимо выслатъ въ задатокъ половину стоимостн всего заказа. За каждое требованне съ наложеннымъ платежомъ прибавляется десять коп. къ стоимостн кннгн.

Цѣны на всѣ объявленннн здѣсь кннгн назначены съ **ПЕРЕСЫЛКОЙ.**

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ (БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИХ и ФИЛОСОФСКИХ)

Л. Н. ТОЛСТОГО

подъ общей редакцією Д. В. ФИЛОСОВОВА, въ 82-хъ КНИГАХЪ (до 9.000 стран. текста въ 1/2 долю листа), напечатанныхъ на высокоглазированной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ. Къ изданію будутъ приложены **портреты автора**, воспроизведенные на мѣловой бумагѣ, и его **биографія**. Обложка художника Д. И. Митрохина.

Въ изданіе войдутъ **ВСѢ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Л. Н. ТОЛСТОГО**, а именно:

РОМАНЫ и ПОВѢСТИ:—Война и Мирь, Анна Каренина, Крейцеровъ соната, Воскресеніе, Дѣтство, отрочество и юность, Казаки, Утро помѣщика, Семейное счастье, Декабристы, Записка маркера, Два гусара, Поликушка, **РАЗСКАЗЫ:**—Набѣгъ, Севастополь, Рубка лѣса, Встрѣча въ отрядѣ, Метель, Альбертъ, Люцернъ, Три смерти, Холостомѣръ, Тихонь и Маланья, Идиллія, Смерть Ивана Ильича, Хозяинъ и работникъ, Корней Васильевъ, За что?, Ягоды, Пѣсни на деревнѣ.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:—Власть тьмы, Плоды просвѣщенія, Живой трупъ, И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, Отъ ней всѣ качества.

ПОСМЕРТНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:—Хаджи Муратъ, Отецъ Сергій, Дьяволъ, Послѣ бала, Фальшивый купонъ, Алеша Горшокъ, Зеленая палочка, Записки сумасшедшаго, Два спутника, Кто правъ?, Отецъ Василій, Кто убицы?, Иеромонахъ Исидоръ, Ходынка и проч.—**ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ для НАРОДА:**—Чѣмъ люди живы, Первый винокуръ, Ходите въ свѣтъ, Кающийся грѣшникъ и проч. 32 произведенія.

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКІЯ СОЧИНЕНІЯ:—Исповѣдь, Въ чемъ моя вѣра?, Христіанское ученіе, Ученіе Христа, изложенное для дѣтей, Что такое религія, Какъ читать Евангеліе и въ чемъ его сущность и проч. статьи 80-хъ и 90-хъ гг.—**КРУГЪ ЧТЕНІЯ.**—**СТАТЬИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЯ**, а также объ искусствѣ, литературѣ, критическія.—**ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ** и пр. и пр.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ Л. Н. ТОЛСТОГО БУДЕТЪ ДАНО ВЪ 1915 ГОДУ

въ видѣ **БЕЗПЛАТНАГО ПРИЛОЖЕНІЯ** къ слѣдующимъ **ЖУРНАЛАМЪ:**

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“

Годъ изд. II.

„Голосъ Жизни“—первый русскій иллюстрированный еженедѣльный журналъ, поставившій себѣ цѣлью соединить художественность съ занимательностью, серьезность — съ общедоступностью.

Въ каждомъ номерѣ „Голоса Жизни“ помѣщаются рассказы, стихи, статьи талантливыхъ представителей всѣхъ литературныхъ теченій и не менѣе двадцати иллюстрацій.

Въ литературѣ „Голосъ Жизни“ стремится къ широкой объективности, а въ публицистикѣ — къ объединенно демократическимъ и прогрессивнымъ элементамъ русскаго общества.

Углубленное толкованіе современныхъ событій, подготовленіе русскаго общества къ предстоящей творческой работѣ — таково основное стремленіе „Голоса Жизни“.

„Голосъ Жизни“ — богато иллюстрированъ и даетъ тонкохудожественный матеріалъ, равно какъ и фотографическія снимки съ театра военныхъ дѣйствій.

Съ новаго года „Голосъ Жизни“ выходитъ при ближайшемъ участіи **Д. В. Философова**.

Въ „Голосѣ Жизни“ помѣщаются стихотворенія и рассказы: С. Андреевскаго, С. Ауслендера, В. Бестужева, А. Блока, В. Брусилова, Б. Верхоулинскаго, З. Гиппюсъ, С. Горюхинова, Л. Доброураова, Бориса Зайцева, Георгія Иванова, В. Карачаровой, Д. Крачковскаго, Д. Крючкова, А. Ремизова, В. Ропшина, Ю. Слезкина, П. Соловьевой, Ф. Сологуба, А. Чапыгина, Ив. Шмелева, К. Эрберга и др.

Въ „Голосѣ Жизни“ помѣщаются статьи: Б. Веселовскаго, Владимира Гиппюса, В. Ирецкаго, В. Каратыгина, проф. А. Карташева, Н. Коробки, проф. М. Курчинскаго, Антона Крайняго, Д. Левина, Н. Лернера, А. Мейера, Д. Мережковскаго, М. Новорусскаго, Е. Семенова, М. Славинскаго, проф. К. Соколова, Ю. Слонимской, проф. М. Туганъ-Барановскаго и др.

Въ „Голосѣ Жизни“ принимаютъ участіе художники: Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Ф. Бруни, М. Добужинскій, Г. Лукомскій, Д. Митрохин, М. Нечитайло-Андріенко, Н. Рерихъ, Н. Смирновъ, А. Сорова, С. Чехонинъ, В. Яннуаеръ и др.

Подписчики „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ получаютъ:

52 №№ художеств.-литературн. журнала и

82 КНИГИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ Л. Н. ТОЛСТОГО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересылкой **8 р. 50 к.**

допускается **РАЗСРОЧКА:** при подпискѣ **3 р. 50 к.**, къ 1-го марта — **2 р.**, къ 1-го юня — **2 р.**, къ 1-го августа — **1 р.**

Принимается подписка на журналъ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ безъ книгъ Л. Н. Толстого.

подписная цѣна за годъ — **4 р. 50 к.**, за полгода — **2 р. 50 к.**, за 3 мѣс. — **1 р. 35 к.**

Пробные номера — **20 коп.** съ пересыл. При подпискѣ указывать избранный журналъ и число книгъ и адресовать Акц. Общ. ИЗДАТЕЛЬСТВА **А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ:** 1) Лиговская, д. 114, и Садовая, д. 20.

„ВСЕМИРНАЯ НОВЬ“

(10-й г. изд.)

„ВСЕМИРНАЯ НОВЬ“ — еженедѣльный иллюстрированный журналъ современной жизни, дающій въ теченіе года

52 №№ ЛИТЕРАТУРН. ЖУРНАЛА съ массою рисунковъ, иллюстрирующихъ ТЕКУЩІЯ ВОЕННЫЯ и проч. событія мировой жизни, съ интересными рассказами — новинками русскою и иностранной литературы и проч. ПРИ НЕМЪ ВЫЙДУТЪ

66 ПРИЛОЖЕНІЙ

52 №№ юмористич. илл. отдѣла „СМѢХЪ и САТИРА“, а также

12 №№ „ХОЗЯЙКА ДОМА“ (моды и ремесла). **ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ-ЕЖЕДНЕВНИКЪ** на 1916 г., изящная **КАРТИНА-ПРЕМІЯ** — „СВИДАНІЕ“ и

82 КНИГИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ Л. Н. ТОЛСТОГО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересылк. **7 р. 50 к.**

допускается **РАЗСРОЧКА:** при подпискѣ **3 р.**, къ 1-го марта — **1 р. 50 к.**, къ 1-го юня — **1 р. 50 к.**, къ 1-го августа — **1 р. 50 к.**

Принимается **УДЕШЕВЛЕННАЯ** подписка на „ВСЕМИРНУЮ НОВЬ“ съ 66-ю ПРИЛОЖЕНІЯМИ и **50 КНИГАМИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ** РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ, РАЗСКАЗОВЪ и ДРАМЪ **Льва Ник. ТОЛСТОГО**

(т. е. за исключен. его философск. произведеній)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ перес. **ШЕСТЬ (6) руб.**

допускается **РАЗСРОЧКА:** при подпискѣ — **ДВА (2) р.**, къ 1-го марта — **1 р. 50 к.**, къ 1-го юня — **1 р. 50 к.**, къ 1-го августа — **1 руб.**

Необходимо при уплатѣ ПЕРВАГО ПОДПИСНОГО ВЗНОСА точно указать, желательн ли получить журналъ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ съ 82-мя книгами полнаго собранія сочиненій Л. Н. Толстого, или БЕЗЪ этихъ книгъ, а журналъ „ВСЕМИРНАЯ НОВЬ“ — съ 82-мя или 50-ю книгами сочиненій Л. Н. Толстого.

Ввиду высокой цѣнности для культурнаго міра творчества Л. Н. Толстого будетъ обращено особое вниманіе на тщательность печати и изысканство въ видѣ высокомъ цѣнности для культурнаго міра творчества Л. Н. Толстого будетъ обращено особое вниманіе на тщательность печати и изысканство